

ВОЕННЫЕ КОНТРАЗВЕДЧИКИ

Александр
Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Александр Бондаренко

Военные контрразведчики

«ВЕБКНИГА»

2019

Бондаренко А. Ю.

Военные контрразведчики / А. Ю. Бондаренко — «ВЕБКНИГА»,
2019 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-23-504688-7

Настоящая книга – это рассказ о столетней истории и славных боевых делах военной контрразведки ВЧК – ОГПУ – НКВД – КГБ – ФСБ России, а также – о ее людях. Но это не биография одной конкретной личности и не сборник очерков. Говоря об истории службы, автор постарался рассказать о многих ее сотрудниках, что позволит читателю получить достаточно полное представление о людях, в различное время осуществлявших контрразведывательную деятельность в войсках, и о той работе, которую они выполняли.

ISBN 978-5-23-504688-7

© Бондаренко А. Ю., 2019

© ВЕБКНИГА, 2019

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	9
Глава вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Бондаренко

Военные контрразведчики

Военная контрразведка – это огромная тяжелая работа...
В. Богомолов. Момент истины

© Бондаренко А. Ю., 2019

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2019

Предисловие

Разведка стара как мир, подтверждение чему находится даже в Библии. Во все времена и для любого государства наибольший интерес представляли вооруженные силы и военные планы соседей, но до конца XVIII века ни в каких странах не существовало специальной разведывательной службы, а разного рода разведывательные структуры в армиях создавались исключительно в военное время. Зато в XIX столетии эти структуры постепенно, но повсеместно превратились в постоянно действующие службы, обеспечивающие вооруженные силы необходимой информацией о противнике.

Ну а борьбу с «военным шпионством» издавна вела военная контрразведка.

Хотя контрразведка – антагонист разведки, она существует и активно действует параллельно и одновременно с ней, но все-таки эти две службы можно уподобить родным сестрам, первая из которых безусловная красавица, всеми почитаемая и превозносимая, а вторая... Нет, она отнюдь не дурнушка, но внешне далеко не столь эффектна, к тому же – строга, порой резка в обращении, скрытная и многознающая... Простейшее тому подтверждение: каждый без труда может вспомнить имена «легендарных разведчиков», но, говоря про контрразведку, мало кто блеснет знаниями далее «майора Пронина» и героев книги «Момент истины» («В августе сорок четвертого»). Притом «сестры» эти связаны кровными узами и друг без друга существовать не могут – достаточно сказать, что контрразведка лишится объекта своей работы, а разведка без должного противодействия просто деградирует, исчезнет само понятие «искусство разведки»... Взаимосуществование разведки и контрразведки – ярчайший пример диалектического «единства и борьбы противоположностей». Еще его можно уподобить странной шахматной игре, когда «игрок», предугадав очередной ход противника, его не ждет, но спешит не в очередь сделать свой упреждающий ход, причем не всегда для противника видимый...

Наша книга посвящена той из «сестер», которая менее знаменита «в обществе», – военной контрразведке. Ее подробную, но малоизвестную дотоле историю мы и хотим поведать читателю.

Известно, что история любой из спецслужб – дело непростое и вообще темное. В большинстве случаев заинтересованному читателю предлагаются сборники очерков, в которых нередко очень ярко и увлекательно, но в допустимых, разумеется, пределах рассказывается о неких легендарных операциях, славных делах или громких провалах, о героях «тайной войны», избалованных предателях и тому подобном. Безусловно, такая информация нужна и полезна, она востребована, она создает «имидж» ведомства. Вот только «историей» конкретной спецслужбы подобную книгу можно называть с большой натяжкой. Ведь по объему работы и привлеченному количеству сотрудников все эти «легендарные операции» представляют собой лишь какие-то доли процента общей деятельности данной спецслужбы. Да, они принесли огромную пользу, пресекли деятельность опасного агента противника, были эффектны и эффективны, при определенных условиях вызвали огромный общественный резонанс, но если их сравнивать со всей остальной работой, проведенной в то же самое время другими подразделениями данного ведомства по всем прочим направлениям, то это окажется даже не «верхушкой айсберга», но экзотическим цветком, на «верхушке» выросшим.

Так что не упомянуть об этих операциях нельзя, но сводить всю историю исключительно к ним – просто наивно...

Книга, которую вы сейчас раскрыли, является именно историей российской (советской) военной контрразведки, изложенной от «предыстории» (событий XIX – начала XX века), драматических подробностей ее создания в 1918 году и первых успехов в борьбе со шпионажем против Красной армии, до оперативных разработок нынешних дней. Но главное – в книге конкретно и подробно рассказано о самой этой организации: как и для чего именно она создава-

лась, какие коллизии разворачивались вокруг этого, из каких структур состояла, какие задачи и по каким направлениям решала в каждый конкретный период своего существования... Особый интерес представляют вопросы роли и места органов военной контрразведки в структурах госбезопасности и военного ведомства, в их взаимоотношениях с командованием и политическим аппаратом войск, с руководством и другими подразделениями госбезопасности, с высшим партийным и государственным руководством, а также вопросы роли ВКП(б) – КПСС и влияния партии на обеспечение безопасности страны и армии.

Наличие всей этой информации коренным образом отличает данную книгу от подавляющего большинства произведений аналогичного жанра и определяет круг ее читателей как людей, серьезно интересующихся историей спецслужб, историей вооруженных сил, а также историей нашего Отечества, ибо вряд ли нужно объяснять, что деятельность специальных служб является одним из важных слагаемых политической истории.

Можно было бы сказать, что это первая книга подобного направления, но оно не совсем так. 19 декабря 2008 года военная контрразведка торжественно отметила свое 90-летие. К этой дате по инициативе руководства 3-го Департамента ФСБ России коллективом авторов было подготовлено и выпущено в свет двухтомное подарочное издание «Военная контрразведка. История, события, люди»¹, не предназначенное для свободной продажи. Вскоре книга эта получила высокую оценку профессионалов – она была удостоена премии ФСБ России 2009 года за лучшие произведения литературы и искусства о деятельности органов Федеральной службы безопасности в номинации «Художественная литература и журналистика».

Автору этих строк посчастливилось стать литературным редактором двухтомника «Военная контрразведка. История, события, люди». Эта работа позволила мне не только познакомиться с большим объемом материалов по истории военной контрразведки, но и натолкнула на идею создания самостоятельной книги на ту же тему, которая бы существенно отличалась от специфического двухтомника, предназначенного для ветеранов и действующих сотрудников спецслужб, как по расширенному содержанию, так и по характеру изложения материала.

Так возникла идея этой книги, основанной на рассекреченных документах и материалах военной контрразведки и службы безопасности ВЧК – ОГПУ – НКВД – КГБ – ФСБ, полученных при содействии Департамента военной контрразведки и Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России, на воспоминаниях и интервью сотрудников спецслужб и исторических деятелей, а также – фрагментах из ряда книг серьезных и надежных авторов, давших объективные оценки глобальных событий и исторических личностей. Но применительно к тем вопросам, которым реально посвящено наше повествование, авторская позиция и оценки везде присутствуют однозначно.

Обращение в нашем издании к материалам двухтомника «Военная контрразведка. История, события, люди» также является вполне обоснованным и оправданным – подобные ссылки не только обеспечивают в ряде моментов необходимую точность формулировок, но и подтверждают достоверность и проверенность представленной информации, особенно фактической и документальной. А значит, есть надежда, что мы сумели описать историю военной контрразведки достаточно подробно и максимально объективно.

Однако все равно ждать от нашей книги «исповедального» рассказа о военной контрразведке и раскрытия всех ее «супертайн» читателю не следует – время для этого, как говорится, еще не пришло. Подобных «открытий» нет и в других книгах, что бы при том ни декларировали их авторы, предлагающие свои версии развития тех или иных событий. А иная оригинальная версия, как свидетельствует опыт исследователя, способна увести от истины гораздо дальше, нежели простое умолчание, порождающее догадки, порой и небезосновательные. Но что делать, если спецслужбы изначально скрывают буквально всё: свой кадровый состав, аген-

¹ Военная контрразведка. История, события, люди: В 2 т. М., 2008.

туру и реальную численность, методы своей работы, собственную осведомленность по тем или иным вопросам? Хотя наша книга как раз и посвящена именно этим наиболее закрытым моментам – но, повторим еще раз, в разумных, допустимых пределах.

Пример? Пожалуйста! Известно ли вам, что именно из структур военной контрразведки произошли отечественные Служба внешней разведки и нынешние Пограничные органы ФСБ – бывшие погранвойска? А знаете, какой отдел 3-го Главного управления КГБ СССР оперативно обеспечивал ГРУ Генерального штаба – военную разведку? И что был такой период, когда в функции военной контрразведки борьба с иностранным шпионажем в армии не входила?

Так что есть надежда, что даже подготовленный читатель сможет найти здесь для себя еще немало неизвестного, неожиданного и достаточно интересного...

Автор книги выражает искреннюю признательность

В. П. Галицкому,

С. А. Коренкову,

В. И. Лазареву,

Н. Н. Лузану,

В. Г. Макарову,

Н. П. Маркину,

О. К. Матвееву,

В. И. Носатову,

В. Н. Середе,

А. А. Сучилину,

А. С. Терещенко,

И. Л. Устинову,

В. С. Христофорову,

К. И. Яхиену

и ряду других уважаемых товарищей, имена которых по некоторым причинам пока еще называть нельзя, за оказанную помощь и предоставленные материалы, которые легли в основу этой книги.

Глава первая

«Дело первостепенной важности...»

Любое явление в своем развитии имеет предысторию, и было бы ошибочно считать, что именно 19 декабря 1918 года, на пустом месте, у нас в стране возникла военная контрразведка. Впрочем, долгое время официально принятая точка зрения оставалась примерно таковой – так же, как писалось и про вооруженные силы, вдруг «родившиеся в боях под Псковом» 23 февраля того же 1918 года. На самом деле, как известно, регулярная армия в России была сформирована минимум три столетия тому назад, а после Октябрьской революции достаточно большая часть ее офицеров и генералов перешла в Красную армию, по этой самой причине не только разгромившей белых на полях Гражданской войны, но и перенявшей очень многие из старых традиций – не только морально-нравственного плана, но и затрагивающих область военного строительства.

Если есть армия, то неизбежно проводится и поиск вражеских лазутчиков, раскрытие возможных перебежчиков и предателей в ее рядах, дезинформация неприятеля – то есть работа по контрразведывательному обеспечению вооруженных сил. Так было и при Петре I, и еще раньше – в стрелецком войске, в княжеских дружинах, ну и так далее, – с учетом, разумеется, определенных коррективов, вносимых временем и обстановкой. Нового тут ничего выдумать нельзя и без привлечения специалистов, без их опыта не обойтись. Поэтому, как бы кто и когда ни старался это отрицать, но современные органы обеспечения безопасности в войсках неразрывно связаны как с советской военной контрразведкой – особыми отделами и «Смерш», так и с контрразведывательными структурами царской России.

Хотя как самостоятельная структура военная контрразведка впервые появилась лишь перед Отечественной войной 1812 года, когда на основе так называемого «Учреждения для управления Большой действующей армией» была создана Высшая воинская полиция. 27 января 1812 года император Александр I подписал три секретных документа: приложение к данному «Учреждению...» – «Образование высшей воинской полиции», а также «Инструкцию начальнику Главного штаба по управлению высшей воинской полицией» и «Инструкцию директору высшей воинской полиции».

Высшая воинская полиция выполняла в интересах действующей армии функции разведки и, как это называлось, контршпионажа, а также полицейские обязанности на территориях недавно вошедших в состав империи западных губерний. Подчинена она была начальнику Главного штаба 1-й Западной армии (в 1812 году эту должность последовательно занимали генералы Н. И. Лавров, Ф. О. Паулуччи и А. П. Ермолов), а непосредственно ею руководил Я. И. де Санглен, родившийся в Москве сын французского эмигранта, впоследствии – действительный статский советник, что равнялось армейскому званию генерал-майора.

Де Санглен Яков Иванович (1776–1864). Обучался в Лейпцигском и Берлинском университетах; с 1811 года – директор Особенной канцелярии министра полиции (высший орган российской Военной разведки), в 1812–1816 годах – директор Высшей воинской полиции (российская военная контрразведка). Статский советник. Переводчик, литератор, военный историк.

Свидетельство современника:

«Я. И. де Санглен казался мне человеком честным и благородным, сколько я мог заметить в продолжении 40-летнего знакомства, не имея с ним впрочем никаких дел, кроме бесед и литературных сношений. Бескорыстие его доказывается тем, что он кончил жизнь почти в бедности, пользуясь только какою-то ничтожною пенсией. Жил он лет десять один-одинешенек в двух-трех низеньких комнатах, на даче, в Красном Селе (под Москвой), питаясь в день чашкою кофе и тарелкою супа с куском жаркого... Заставал я его всегда за кучею газет... Началь-

ник некогда тайной полиции, он никак не мог освободиться от того страха, который прежде наводил на других».

*Михаил Петрович Погодин,
издатель, историк, журналист и писатель*

О некоторых эпизодах контрразведывательной работы, проводимой перед самым вторжением французов, Яков Иванович рассказал в своих мемуарах, опубликованных в журнале «Русская старина» в 1883 году:

«...Государь, призвав меня, сказал:

– Я получил от берлинского обер-полицмейстера Грунера уведомление, что здесь уже несколько месяцев скрываются французские офицеры, шпионы; их должно отыскать.

Я спросил Государя, не известны ли имена их, или не означены ли какие-либо их приметы.

– Нет, – отвечал Государь, – но их отыскать должно; ты знаешь, я тебе одному верю; vedi дело так, чтобы никто о нем не знал.

Я поручил трем моим чиновникам ходить каждый день по разным трактирам, там обедать, все рассматривать, выглядывать и мне о том докладывать; виленскому же полицмейстеру Вейсу поручил строгое наблюдение за приезжими из Польши... Я сам стал ходить в знаменитейший тогда трактир Кришкевича. Здесь я заметил одного крайне развязного поляка, со всею наружностью фронтовика, который не щадил шампанского и бранил Наполеона направо и налево. Возвратясь домой, я приказал полицмейстеру Вейсу попросить его ко мне. Я потчевал его чаем; узнал, что ему хотелось бы возвратиться с двумя товарищами в Варшаву, но что, вероятно, теперь никого не выпустят. Я воспользовался этим случаем, предложил ему мои услуги, призвал начальника моей канцелярии Протопопова, чтобы записать их имена и заготовить им паспорта. Между тем приказал полицмейстеру Вейсу обыскать его квартиру, выломать полы; в случае нужды трубы и печи; а гостя своего задержал разными разговорами; он назвал себя шляхтичем Дранжевским, никогда не служившим в военной службе.

Является полицмейстер, вызывает меня; я вышел, приказав караулу гостя не выпускать. Вейсом были привезены найденные в трубе печи и под полом следующие бумаги: 1) Инструкция генерала Рожнецкого, данная поручику Дранжевскому; 2) Патент на чин поручика, подписанный Наполеоном; 3) замшевый пояс, с вложенными в него червонцами пятью тысячами; 4) Записки самого Дранжевского о нашей армии и наших генералах. Дело было ясно; недолго продолжался его допрос; он вынужден был к сознанию»².

Согласимся – сработано грубо и без санкции прокурора, но эффективно. А сколь был наивен наполеоновский агент! Отправляясь, как говорят разведчики, «в поле», с нелегальной миссией, он повез с собой не только инструкцию, содержание которой ему следовало бы запомнить, но даже и патент на свой офицерский чин. Может быть, затем, чтобы его, офицера, не повесили, как было принято вешать простых шпионов? Бог знает! Но по крайней мере все улики оказались налицо, искать не надо...

А вот и еще эпизод из мемуаров де Санглена, в котором задействован генерал-адъютант императора Наполеона – дивизионный генерал граф Луи Мари Жак Альмарик Нарбонн-Лара.

«Нарбонн от императора Наполеона прислан был к императору российскому с поздравлениями со счастливым его приездом в Вильну. От поставленного мною полицмейстера в Ковне майора Бистрома получил я через эстафету уведомление о приезде Нарбонна проселками, дабы он не видел наших артиллерийских парков и прочего, что и было исполнено.

По приезде Нарбонна в Вильну приказано было мне Государем иметь за ним бдительный надзор.

² Санглен Я. И., де. Записки: 1776–1831 // Русская старина. 1883. № 3. С. 541–542.

Я поручил Вейсу дать ему кучеров и лакеев из служащих в полиции офицеров. Когда Нарбонн по приглашению императора был в театре, в его ложе, перепоили приехавших с ним французов, увезли его шкатулку, открыли ее в присутствии императора, списали инструкцию, данную самим Наполеоном, и представили ее Государю. Инструкция содержала вкратце следующее: узнать число войск, артиллерии и пр., кто командующие генералы? Каковы они? Каков дух войск и каково расположение жителей? Кто при Государе пользуется большою доверенностью? В особенности узнать о расположении духа самого императора, и нельзя ли свести знакомство с окружающими его?»³

Можно повторить то же самое: да, грубовато... Хотя думается, что нечто подобное может быть проведено и сегодня. Но что еще более интересно, это то, что к тайным операциям были причастны «первые лица» государств: император Наполеон дает разведывательное задание своему генерал-адъютанту, а император Александр не только руководит работой своей контрразведки, но и сам присутствует при вскрытии шкатулки иностранного посланника, уступив ему свою ложу в театре – понятно, что не подобало российскому императору сидеть там на пару с французским дивизионным генералом...

Так как во главе 1-й Западной армии находился военный министр генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли, то де Санглен вскоре стал громко именоваться «директором Высшей воинской полиции при военном министре» и подчиняться Барклаю непосредственно. Когда же тот сложил с себя полномочия министра, а вскоре и вовсе убыл из армии, Яков Иванович также покинул театр боевых действий, возвратившись в Петербург. Высшую воинскую полицию возглавил барон П. Ф. Розен, переведенный в военное ведомство из Министерства полиции.

В остальных армиях – во 2-й Западной, в 3-й Резервной, Обсервационной и в Дунайской – подобных органов не существовало, но так как обе Западные армии объединились в конце июля 1812 года, то Высшая воинская полиция почти сразу работала уже в интересах двух армий, а во время Заграничного похода – и всей объединившейся действующей армии.

А вот некоторые конкретные результаты работы военной контрразведки в 1812 году: «Во время военных действий были выявлены: в Риге – купец К. Цебе, находившийся там под видом доктора по заданию прусского генерала Г. Д. Л. Йорка; в Петербурге – И. де Мобургень, посланный Сокольницким; в Главной квартире русской армии – И. Левкович, направленный туда в июле 1812 года; в Радзивиллове – отставной польской службы капитан Скрыжинецкий; в Смоленске – Ружанский; на Дону – руководитель особой разведгруппы граф А. Платер. После оставления французами Москвы был задержан И. М. Щербачев, связанный с разведкой Наполеона в период оккупации города, а также канцелярист Орлов»⁴.

В 1812–1814 годах барон Розен был награжден орденом Святой Анны 2-й степени, а затем – алмазными знаками к нему, орденом Святого Владимира 3-й степени, прусским орденом Красного Орла 2-й степени, переведен из соответствующего статского чина в полковники, что также являлось поощрением. К тому же «за открытие фальшивых, французской фабрики, российских ассигнаций в городах Дрездене и Лейпциге, был награжден от Государя Императора перстнем с алмазными украшениями». Впоследствии он дослужился до чина действительного статского советника.

Получаемые сведения по шпионажу поступали в Военно-ученый комитет при Военном министерстве, также образованный 27 января 1812 года, – одно из его подразделений собирало и учитывало получаемую информацию, но непосредственно розыскной работы здесь не проводилось.

Высшая воинская полиция была упразднена к 1815 году. Интересно, кстати, что в царствование Александра I была и просто «Высшая полиция» – или «Комитет по делам высшей

³ Санглен Я. И., де. Записки: 1776–1831 // Русская старина. 1883. № 3. С. 544.

⁴ Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 58.

полиции», который осуществлял «нечувствительное» наблюдение даже за первыми лицами империи, в том числе и высшими военными чинами. Внимания ее, в частности, не избежал военный генерал-губернатор Петербурга граф М. А. Милорадович – один из блистательнейших генералов, любимый в войсках и популярный в обществе. Самое удивительное, что по своей губернаторской должности он же руководил и тайным сыском в столице империи.

После «Семеновской истории» – солдатского возмущения в лейб-гвардии Семеновском полку в октябре 1820 года – было решено учредить Тайную военную полицию, которая бы отслеживала настроения не только нижних чинов, но и офицерского состава гвардии. Решение по тому времени беспрецедентное! Лейб-гвардия – это отборная, привилегированная часть воинства, одной из главных задач которой была непосредственная охрана государя, являвшегося шефом большинства гвардейских полков. Офицерами гвардии, за редким исключением, были потомственные дворяне, представители буквально всех аристократических семей, многих из которых император Александр I знал лично.

Идея принадлежала командиру гвардейского корпуса генерал-адъютанту И. В. Васильчикову, герою Отечественной войны, лихому гусару, заслужившему на полях сражений чин генерал-лейтенанта и орден Святого Георгия 2-й степени. По его рекомендации Тайную военную полицию возглавил библиотекарь гвардейского Генерального штаба и правитель канцелярии Комитета о раненых М. К. Грибовский – к тому времени уже опытный полицейский агент, сумевший стать даже членом коренной управы преддекабристского Союза благоденствия.

Сообщения агентов – таковых было двенадцать – заносились в секретные ведомости «о быте, настроениях и разговорах в полках», в которые собирались сведения по нижеследующим вопросам:

- «1) получают ли нижние чины все положенное им от казны довольствие сполна и в установленные сроки;
- 2) не нарушаются ли права солдатских артелей на принадлежащие им суммы;
- 3) как начальники относятся к подчиненным, какие налагают наказания;
- 4) как и в какое время проводятся учения;
- 5) какие имеют место разговоры и суждения среди нижних чинов, какие циркулируют слухи;
- 6) каково обхождение начальников с подчиненными офицерами, и какие разговоры последние ведут о своих начальниках;
- 7) какие разговоры и суждения имеют место среди офицеров»⁵.

Эти задачи коренным образом отличались от задач Высшей воинской полиции, но, как читатель увидит впоследствии, оказались очень схожи с направлениями деятельности советской военной контрразведки.

Наиболее известный агент этой полиции – корнет лейб-гвардии Уланского полка А. Н. Ронов, который был завербован лично командиром гвардейского корпуса. Поставленное задание он успешно выполнил, быстро узнав о существовании тайного общества, «конституцией занимающегося». Но заговорщики – в частности полковник Ф. Н. Глинка, адъютант графа Милорадовича, ведавший его секретной канцелярией, – переиграли злосчастного корнета. На очной ставке с ним, проведенной самим генерал-губернатором, поручик Н. Д. Сенявин, сын знаменитого адмирала, заявил, что приглашал Ронова не в тайное общество, но в масонскую ложу, а про конституцию корнет придумал в корыстных целях. Масонские ложи тогда еще запрещены не были – указ выйдет в 1822 году, так что ничего противозаконного... Старания Глинки и его единомышленников, высочайшие связи и славное имя адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина – генерал-адъютанта и сенатора, а также тот досадный факт, что неудачливый агент, надеясь на успех, потратил на установление связей с предполагаемыми заговор-

⁵ Латин В. В. Семеновская история. Л., 1991. С. 221.

щиками немало личных денег генерала Васильчикова, не только погубили карьеру Ронова, с позором исключенного из полка и сосланного под надзор в деревню, но и поставили жирный крест на самой идее Тайной военной полиции, задуманной дилетантами в больших чинах.

Из истории известно, что тайное общество (слово «тайна» в нашем Отечестве всегда было одним из самых любимых, но недаром же знаменитая французская писательница Жермена де Сталь саркастически заявила: «В России все тайна, но ничто не секрет»), в которое оказались вовлечены десятки офицеров гвардии и армии, фактически беспрепятственно действовало на протяжении целого десятилетия – до того самого рокового дня, когда мятежные полки вышли на Сенатскую площадь и были расстреляны картечью.

Не будем давать оценок политическим воззрениям и планам декабристов – речь в нашей книге не о том. Однако дать оценку деятельности спецслужб, не предотвративших вооруженный мятеж, представляется затруднительным.

«Фельдгегерь, доставивший весть о кончине Александра I, привез вместе и доносы Майборода⁶, и именные списки членов тайного общества. Копия с этих списков была отправлена в Варшаву к новому императору [Константину Павловичу]... [Николай Павлович] знал о существовании тайного общества, о цели его: он имел именной список большей части членов общества. О том знали и граф Милорадович, и много приближенных к великому князю Николаю, которому адресованы были важнейшие бумаги в Петербург, откуда сообщаемы были в Варшаву. Какие же меры были приняты к уничтожению предстоявших опасностей заговора или грозившего восстания?! Решительно никакие. Во всем выказывалось колебание, недоумение, все предоставлено было случаю: между тем как, по верным данным, следовало только арестовать Рылеева, Бестужевых, Оболенского и еще двух или трех декабристов – и не было бы 14 декабря»⁷, – писал барон А. Е. Розен, поручик лейб-гвардии Финляндского полка.

Известно, что император Александр I, получив донос Шервуда⁸, произнес сакраментальную фразу: «Не мне их судить». В общем, можно сказать, что «в деле декабристов» со всей остротой проявилось извечное неумение или нежелание властей должным образом распорядиться полученной от спецслужб информацией. Подобных примеров в истории, и не только российской, не счесть. Но критиковать власти предрешающие не принято, сколь бы ни были они порой беспомощны и бездарны. Всегда будут виноваты другие – на другом уровне.

«События 14 декабря и страшный заговор, подготовлявший уже более 10 лет эти события, вполне доказывают ничтожество нашей полиции и необходимость организовать новую полицейскую власть»⁹, – в первые же дни царствования Николая I констатировал генерал-лейтенант А. Х. Бенкендорф, начальник 1-й кирасирской дивизии.

Личность эта уже и тогда была весьма примечательна. Отважный боевой офицер, флигель-адъютант императора, Александр Христофорович в 1807–1808 годах находился в составе российского посольства в Париже, выполняя поручения по линии военной разведки. В 1812 году он прославился как командир «летучего» кавалерийского отряда и уже летом заслужил генеральский чин; осенью 1813 года отряд, которым командовал Бенкендорф, освободил от французов Голландию. Теперь генерал вступил на новую стезю, подав императору проект «Об устройстве внешней полиции».

Граф Бенкендорф Александр Христофорович (1781–1844). В службе с 1798 года. С 1803 года участвовал в боевых действиях на Кавказе, в войне с Францией 1806–1807 годов, в турецкой войне 1806–1812 годов, Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе, а также в турецкой войне 1826–1828 годов. С 1821 года – начальник 1-й кирасирской дивизии.

⁶ А. И. Майборода – капитан Вятского пехотного полка, донес на тайное общество и своего полкового командира П. И. Пестеля.

⁷ Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 120.

⁸ И. В. Шервуд – унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка.

⁹ Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007. С. 95.

25 июля 1826 года назначен шефом Корпуса жандармов, командующим Императорской Главной квартирой и начальником Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Генерал от кавалерии, сенатор, член Государственного совета и Комитета министров.

Оценка императора Николая I: «В течение одиннадцати лет он ни с кем меня не поссорил, а примирил со многими».

Итак, в июле 1826 года Александр Христофорович был назначен главным начальником вновь учрежденной «высшей полиции». Это назначение обессмертило имя Бенкендорфа, отныне – одного из ближайших сподвижников государя, ставшего за свои заслуги и графом, и генералом от кавалерии, членом Государственного совета и Комитета министров, награжденного всеми российскими орденами, вплоть до самого высшего – Святого апостола Андрея Первозванного с бриллиантами, а также ордена Святого Георгия III и IV класса.

«В 1826 году власть получила достаточно эффективный на первых порах инструмент надзора за обществом и своим собственным аппаратом. Круг обязанностей Третьего отделения был, как известно, очень широк – от “распоряжений” по делам высшей полиции до сбора сведений “о всех без исключения происшествиях”. Штат этого учреждения немногочисленный: 20 человек на момент создания и 58 при упразднении, но, исполненный служебного рвения, обладал достаточным опытом для своей работы. Главноуправляющий Третьего отделения А. Х. Бенкендорф, будучи человеком светским, все текущие дела доверял директору канцелярии своего ведомства, профессионалу высочайшего класса, М. Я. фон Фоку, который взял с собой большинство прежних коллег по Особой канцелярии Министерства полиции и Министерства внутренних дел, существовавших при Александре I. Помимо Третьего отделения, мозгового центра политического сыска, деятельность которого была строго засекречена, тайная полиция получила и “явный” исполнительный орган – Корпус жандармов»¹⁰.

О личности графа Бенкендорфа, работе Третьего отделения и службе жандармов можно рассказывать немало, но нас интересует только контрразведывательный аспект, который в данной организации отнюдь не являлся главным. К тому же, как мы говорили, спецслужбы по-настоящему умеют хранить свои секреты, а потому документальных сведений об этой работе, о заграничной и внутренней агентуре Третьего отделения почти не сохранилось. Известно, что проживающими в России иностранцами занималась его так называемая 3-я экспедиция и что при Департаменте полиции, к которому в 1880 году перешли функции упраздненного Третьего отделения, было создано специальное подразделение, именуемое «Заграничная агентура». Их возможности в определенной степени использовались для проведения контрразведывательной деятельности, хотя гораздо больше охранные структуры интересовались разного рода революционерами и террористами. Неудивительно – разведывательная служба в те времена пребывала на совершенно ином уровне, нежели это будет в XX столетии, и противодействие ей, скорее всего, было достаточно адекватным...

В соответствии с российскими законами государственной изменой считались преступные действия российских граждан – от тайной переписки с неприятелем до предательской сдачи крепостей, – совершенные во время войны. Поэтому как самостоятельное подразделение военная контрразведка в России XIX века возникала лишь во время вооруженных конфликтов, да и то не всякий раз.

Столь одностороннее понимание существа вопроса нередко приводило к весьма плачевным результатам. В частности, отсутствие, говоря современным языком, контрразведывательного обеспечения Польской армии позволило начаться предательскому и кровавому восстанию в Варшаве в 1831 году.

¹⁰ Щербакова Е. И. В начале славных дел. Из истории становления политической полиции // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. 1. С. 9—10.

Главнокомандующий Польской армией цесаревич Константин Павлович, как и его брат Александр I, любил поляков, но, в отличие от подозрительного по характеру покойного императора, очень им доверял. Великий князь буквально выпестовал Польскую армию, прекрасно ее подготовил и вооружил, а потому наивно был уверен в ответной любви и преданности к нему поляков. Но в польских полках служило немало офицеров, воевавших под знаменами Наполеона за воссоединение и призрачную независимость своей отчизны и, мягко говоря, не питавших теплых чувств к Российской империи... К тому же личность цесаревича – несдержанного, своевольного, грубого и капризного, да еще и выказывающего полное презрение к конституции Царства Польского, – импонировала далеко не всем. Участники собраний на офицерских квартирах и в казармах не только мечтали о возрождении независимой Польши, но и ругали великого князя, искренне желая от него избавиться...

Вспомните седьмой пункт «интересов» той самой неудавшейся Тайной военной полиции, которую учреждали генералы Васильчиков и Милорадович: «...какие разговоры и суждения имеют место среди офицеров». Если бы Константин Павлович знал про эти разговоры, то не был бы столь доверчив и благодушен.

Всё же отзвуки антиправительственных «суждений» в конце концов дошли до великого князя, но, как и в деле декабристов, власти, которые он представлял в Царстве Польском, «распорядиться» информацией не сумели – можно предположить, что она была не очень убедительной. В результате цесаревич чуть было не поплатился за свою доверчивость жизнью, погибли некоторые из ближайших его сотрудников. Мятеж, созревший в казармах, выплеснулся на варшавские улицы и вскоре охватил буквально всю Польшу... Начавшееся 17 ноября 1830 года восстание было разгромлено только в начале осени 1831-го: 26 августа, в годовщину Бородина, русские войска штурмом овладели Варшавой, а 20 сентября остатки разбитой повстанческой армии бежали в Пруссию, где были разоружены.

И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк, —

писал Александр Сергеевич Пушкин, но от того не легче: восстания вполне можно было избежать...

Про Восточную войну 1853–1856 годов, более известную как Крымская, вообще говорить не хочется... Кажется, из всех наших спецслужб тогда хорошо сработала только «научно-техническая разведка», представленная «косым Левшой» Н. С. Лескова, тульским оружейником, подковавшим блоху и сообщившим, что «англичане ружья кирпичом не чистят!». Увы, и его не услышали! А в остальном – планы и действия союзников, вторгшихся на русскую территорию, были для нашего командования полнейшей неожиданностью, тыловые казнокрады действовали с поразительной наглостью, вследствие чего армия нуждалась буквально во всем... Война в итоге завершилась позорной сдачей Севастополя, гибелью флота, фактической потерей Черного моря и унижением России...

Как сказал В. О. Ключевский: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Прошло двадцать лет и, как свидетельствуют И. И. Васильев и А. А. Зданович в своем труде «Защита военных и государственных секретов России до начала XX века»¹¹, «когда в самом начале русско-турецкой войны 1877–1878 годов нашему командованию стали известны факты об организуемых извне разведывательно-подрывных акциях против основной Дунайской армии, все свелось к рекомендациям офицерскому корпусу усилить бдительность и по возможности своими средствами противодействовать замыслу противников, действующих

¹¹ Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2007. Т. 3. С. 146.

в интересах англичан...». В работе этой приводится очень интересное письмо, которое 4 мая 1877 года начальник полевого штаба Дунайской армии генерал-адъютант А. А. Непокойчицкий направил курьером командиру 12-го корпуса генерал-лейтенанту П. С. Ванновскому, кстати, будущему военному министру (1882–1898). Предупредив адресата о коварных планах неприятельской разведки, Артур Адамович делает следующий вывод: «Имею честь покорнейше просить учредить самый бдительный надзор за всеми лицами, не принадлежащими к армии... К сему считаю долгом присовокупить, что желательно было бы, дабы начальники отдельных частей подтвердили своим офицерам о необходимости быть при настоящих серьезных обстоятельствах сдержанными и с посторонними лицами должны уклоняться от разговоров, имеющих военный интерес».

О нравы прекрасногодушного XIX столетия! Помнится, когда облаченный во фрак Пьер Безухов болтался по Бородинскому полю, никто не только не заподозрил в нем шпиона, но даже не поинтересовался: «Кто вы, милостивый государь, что тут делаете?», зато все охотно отвечали на его вопросы... И вот теперь, в конце столетия, начальник вышестоящего штаба «покорнейше просит» корпусного командира учредить «бдительный надзор» за всеми празднующимися на театре боевых действий, а офицерам рекомендовать «уклоняться от разговоров» с ними! Неужели этому надо было учить?!

Кстати, обратимся к событию, произошедшему ровно за пять веков до Балканской войны: 1380 год, битва на поле Куликовом. Успех ее, как известно, решил «засадный полк», внезапно вступивший в бой в критический момент сражения, что, помимо всего прочего, морально сломило противника. Но о какой внезапности могла бы идти речь, если бы по берегам Дона и Непрядвы невозбранно бродили «лица, не принадлежащие к армии», а русские ратники вели бы с ними «разговоры, имеющие военный интерес»?

Так почему же то, что было понятно всем и каждому во времена великого князя Дмитрия Донского, оказалось забыто при императоре Александре II? Ответа, к сожалению, не найти...

Между тем мир катился к мировой войне. Многоразличные политические события, стремительный прогресс и, в частности, развитие военного дела существенно повысили роль разведки. На заре XX столетия, вслед за британской МИ-6¹², возникали как поганки после дождя и другие разведслужбы: германская, австро-венгерская, французская...

Действие рождает противодействие, и в то же самое время, а то и раньше, потому что контрразведка очень часто действует на опережение, стали появляться и органы контршпионажа. В том числе и в России, разведывательная работа против которой проводилась со всех буквально направлений – европейского, азиатского, дальневосточного.

По свидетельству руководителя австро-венгерской контрразведки Максимилиана Ронге, в конце XIX столетия в России работало порядка сотни венских агентов. В 1897 году, например, Петербургским охранным отделением была раскрыта резидентура австрийской разведки, которую возглавлял действительный статский советник в отставке Парунов. Его агентами были адъютант коменданта Петропавловской крепости капитан Турчанинов, чиновник Главного штаба армии поручик Шефгет, исполняющий обязанности начальника Четвертого отделения Главного интендантского управления Лохвицкий и даже секретарь при помощнике шефа жан-дармов Кормилин, а также и другие лица, в большинстве своем близкие к вооруженным силам. В списке особенно интересовавших их вопросов были численность, дислокация и вооружение войсковых частей... Все шпионы были задержаны, изобличены и осуждены – за исключением капитана Турчанинова, который покончил с собой в тюремной камере.

В конце января 1902 года был арестован старший адъютант штаба Варшавского военного округа подполковник А. Н. Гримм, который с 1895 года «инициативно» – то есть он сам предложил свои услуги противнику – работал на германскую и австро-венгерскую разведки из

¹² МИ-6 (англ. *Military Intelligence, MI6*) – британский государственный орган внешней разведки.

материального интереса. Лишенный чинов и дворянского достоинства, изменник был приговорен к двенадцати годам каторжных работ. Варшавский округ тогда был форпостом, передовым во всех отношениях отрядом Русской армии – его можно уподобить последующей Группе советских войск в Германии, и также вызывал огромный интерес противника.

В 1902–1904 годах в России, а позже – уже со шведской территории, очень деятельно работал японский военный атташе подполковник Мотодзиро Акаси, который не только получал разведывательную информацию от своих агентов, но и занимался подрывной работой. В частности, он немало сделал для финансирования так называемой Первой русской революции – вплоть до поставок оружия и боеприпасов «рабочим дружинам», членов которых тогда официально именовали столь знакомым нам словом «боевики».

Кстати, еще один очень интересный момент. В книге «На службе трех императоров»¹³ генерал от инфантерии Н. А. Епанчин писал, что «с января 1900 года в Морской академии начались занятия военно-морской игры с целью проверки нашей боевой подготовки на Дальнем Востоке». Николай Алексеевич вспоминал, как в течение трех месяцев флотоводцы и военачальники отрабатывали сценарий возможной войны, которую адмирал А. А. Вирениус, командовавший «японской стороной», начал внезапным ночным нападением на русские суда, стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура. Занятия, по два раза в неделю, продолжались в течение трех месяцев, но за это время в Морской академии ни разу не побывали ни Николай II, по указанию которого проводилась оперативная игра, ни военный и морской министры, ни начальник Главного штаба. Тщательная проработка всех вопросов показала, что к войне на Дальнем Востоке Россия не готова; по итогам оперативной игры был составлен объемный по размеру секретный отчет.

Вопреки предупреждениям военных специалистов российское руководство все равно втянулось в вооруженный конфликт с Японией. Мало того! Напав в ночь на 27 января 1904 года на русскую эскадру в Порт-Артуре, японцы точно повторили план, разработанный адмиралом Вирениусом в 1900 году. «Быть может, секретный отчет об этой игре попал в руки японцев», – предполагал генерал Епанчин.

Что ж, блистательный пример работы разведки: воспользоваться для нападения на противника им же разработанным планом! Но где была военная контрразведка?! Увы! В самом начале века «борьбой с иностранным шпионажем в вооруженных силах, то есть военной контрразведкой, частично занималось Третье (охранное) отделение Департамента полиции Министерства внутренних дел. Основной задачей Третьего отделения являлась борьба с революционным движением в стране и российской эмиграцией за рубежом. МВД ограничивалось лишь периодическим направлением циркуляров, в которых поручало жандармским управлениям и охранным отделениям усилить наблюдение за иностранными разведчиками. При этом какие-либо инструкции по организации и проведению этой работы оно не давало, да и не в состоянии было дать»¹⁴.

Как писал в своих лекциях генерал-майор Николай Степанович Батюшин, стоявший у истоков российской военной контрразведки, она «находилась всецело в руках политического сыска (жандармов), являясь его подсобным делом. Этим и объясняется то обстоятельство, что борьба с неприятельскими шпионами велась бессистемно, шпионские процессы являлись редкостью»¹⁵.

Батюшин Николай Степанович (1874–1957). Окончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны с 19 октября 1904 года; с 30 июня 1905 года – старший адъютант штаба Варшавского воен-

¹³ Епанчин Н. А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 265.

¹⁴ Алексеев М. Военная разведка России. От Рюрика до Николая II. М., 1998. Т. 1. С. 102.

¹⁵ Батюшин Н. С. У истоков русской контрразведки: сборник документов и материалов. М., 2007. С. 168–169.

ного округа, возглавлял разведывательную службу. В октябре 1914 года – начальник разведывательного отделения штаба Северо-Западного фронта; с 6 октября 1915 года – генерал для поручений при главнокомандующем армиями Северного фронта. В начале 1917 года возглавлял комиссию по борьбе со шпионажем при штабе фронта. Генерал-майор. С конца 1918 года – в Белом движении; после сдачи Крыма – в эмиграции.

Из служебной аттестации 1899 года:

«Отличаясь воспитанной выдержкой, держит себя с большим достоинством и служебным тактом как в обращении к старшим и начальникам, так и вообще ко всем младшим себя... Здоров, вынослив и неутомим... Самолюбив и чуток к правде и справедливости. Самостоятелен, энергичен, к делу службы относится с любовью и принимает решения на основании здравых логических выводов, не нуждается в посторонней помощи».

Не имеет смысла уточнять, что у политической полиции своя сфера деятельности, у военной контрразведки – своя, и каждое из этих направлений имеет определенные особенности. Это понимали многие, и в военном ведомстве давно уже вызревала идея создания собственного специального органа для борьбы с иностранным военным шпионажем.

Наконец, 20 января 1903 года военный министр генерал от инфантерии Алексей Николаевич Куропаткин направил на имя Николая II докладную записку, в которой говорилось: «Совершенствующаяся с каждым годом система подготовки армии, а равно предварительная разработка стратегических планов на первый период кампании приобретают действительное значение лишь в том случае, если они остаются тайной для предполагаемого противника; поэтому делом первостепенной важности является охранение этой тайны и обнаружение преступной деятельности лиц, выдающих ее иностранным правительствам. Между тем, судя по бывшим примерам, обнаружение государственных преступлений военного характера до сего времени у нас являлось делом чистой случайности, результатом особой энергии отдельных личностей или стечением счастливых обстоятельств; ввиду сего является возможность предполагать, что большая часть этих преступлений остается нераскрытыми и совокупность их грозит существенной опасностью государству в случае войны...»¹⁶

После этой пространной преамбулы следовали конкретные предложения по созданию органа, которому будет поручено заниматься контрразведывательной деятельностью в интересах вооруженных сил, и вывод: «Таким образом, деятельность данного органа распадается: на руководящую, намечающую вероятные пути тайной разведки иностранного правительства и устанавливающую надзор за ними, и исполнительную, состоящую в непосредственном наблюдении за этими путями. Для первой деятельности необходимы специалисты военного дела, вполне знакомые с организацией наших военных учреждений, родом и степенью важности подлежащих их ведению тайн; для второй деятельности необходимы специалисты по тайному розыску, т. е. агенты-сыщики.

В соответствии с этим при Главном штабе полагалось бы учредить особое разведочное отделение...»¹⁷

На следующий день Николай II начертил на полях докладной записки «Согласен», – и тем было положено начало регулярной контрразведывательной службе Главного штаба. Создавалась она негласно, должна была действовать в строжайшей тайне, а потому для конспирации названа была не контрразведкой, но Разведочным отделением, хотя даже и под таким названием в официальной структуре Главного штаба отсутствовала. В общем, взяли и называли, так сказать, кошку мышкой, думая, что всех обманули: «в России все тайна...»

Изначально в состав отделения помимо его начальника входили «старший наблюдательный агент», «шесть наружных наблюдательных агентов», «агент-посыльный», два агента «для

¹⁶ Лубянка. Из истории отечественной контрразведки. М., 2007. С. 120.

¹⁷ Лубянка. Из истории отечественной контрразведки. М., 2007. С. 120.

собрания справок и сведений и для установок (выяснение фамилий лиц, взятых по наблюдению)», девять «внутренних агентов» и два «почтальона». «Наружные агенты» осуществляли наблюдение за «объектами» на улице, «внутренние» – «на квартирах, в разных правительственных учреждениях, в гостиницах, ресторанах и проч.».

Поскольку главные центры шпионажа – военные атташаты иностранных государств – находились в столице России и главной задачей новой службы должно было стать противодействие их разведывательным усилиям, то Санкт-Петербург и его окрестности определялись основным районом деятельности нового органа контрразведки. Его руководителем стал ротмистр Отдельного корпуса жандармов Владимир Николаевич Лавров, специалист по тайному розыску, бывший начальник Тифлисского охранного отделения.

Лавров Владимир Николаевич (1869 – после 1911). Окончил 2-е Константиновское военное училище, служил в Забайкальском казачьем войске. В 1897 году окончил курсы при Отдельном корпусе жандармов, служил в Тифлисском губернском жандармском управлении (ГЖУ), занимался организацией оперативно-розыскной работы. С августа 1902-го по конец мая 1903 года – начальник русской секретной полиции в Грузии. 4 июня 1903 года переведен в распоряжение начальника Главного штаба Русской армии, возглавлял Разведочное (контрразведывательное) отделение Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). В 1911 году, выйдя в отставку в чине генерал-майора, поселился во Франции, где руководил первой организацией агентурной разведки в Западной Европе – «организацией № 30», действовавшей по Германии. Сведения о его дальнейшей судьбе отсутствуют.

Из послужного списка: «Не имеет недвижимого имущества, родового или благоприобретенного, ни он, ни его жена».

Как и все жандармские офицеры, он окончил военное училище, служил в войсках (срок офицерской службы для будущих жандармов должен был составлять не менее шести лет), а потом, сдав экзамены, поступил на курсы, после окончания которых был зачислен в Корпус жандармов...

Четвертого июня 1903 года Лавров был переведен в распоряжение начальника Главного штаба и приступил к работе. Кстати, в целях соблюдения конспирации все чины Разведочного отделения официально числились как «стоящие в распоряжении начальника Главного штаба».

Об эффективности и направленности работы отделения можно судить хотя бы по тому, что уже в течение второй половины 1903 года под наблюдением оказались: «1. Австро-венгерский военный агент, князь Готфрид Гогенлоэ-Шиллингсфюрст; 2. Германский военный агент, барон фон-Лютвиц; 3. Японский военный агент, подполковник Мотодзиро Акаси; 4. Служащий в Департаменте торговли и мануфактур, коллежский секретарь Сергей Иванов [сын]¹⁸ Васильев; 5. Начальник Девятого отделения Главного интендантского управления действительный статский советник Петр Никандров [сын] Есипов».

Австро-венгерский, германский и японский военные агенты являлись официальными представителями основных противников России на то время и в перспективе. А наши соотечественники, попавшие под наблюдение в результате сообщений от «заграничных источников», оказались агентами иностранных разведок: коллежский секретарь (гражданский чин, соответствующий поручику) Васильев продавал чертежи из конструкторского бюро Главного артиллерийского управления, а статский генерал Есипов в одном лишь 1903 году передал в Вену (не бесплатно, разумеется), 440 листов очень подробных, «одноверстовых», топографических карт российской территории. Изменники были изобличены и понесли, как принято говорить, заслуженное наказание.

¹⁸ Формулировка, нередко употребляемая в официальных документах вместо отчества: «Иванов сын» – Иванович, «Никандров сын» – Никандрович.

Особо пристальное внимание военные контрразведчики обращали на деятельность японского военного агента подполковника Мотодзиро Акаси. И безуспешно: 26 декабря 1903 года, как сообщила «наружка»¹⁹, он получил по почте письмо: «Буду на другой день в то же время. Ваш 1».

Блаженные времена для контрразведки! От такого текста за версту пахнет конспиративным шпионским посланием, и руководство Разведочного отделения поспешило принять соответствующие меры по усилению наблюдения, так что вскоре выяснилось, что квартиру помощника военного агента – капитана Тано регулярно посещает некий русский офицер в чине ротмистра. В военной форме – только так в те времена обязаны были ходить военнослужащие – неизвестный чуть ли не каждую субботу, во второй половине дня, приезжал к японцу и оставался у него примерно на час. Тогда же к своему помощнику приезжал и сам Акаси... Установить личность ротмистра не составило труда: им оказался штаб-офицер по особым поручениям при главном интенданте ротмистр Ивков, который, разумеется, был взят под наблюдение, и вскоре оно принесло еще более неожиданные результаты. Оказалось, что «доверительные» отношения Ивков поддерживает не только с японским военным агентом, но и с его германским коллегой, а также с представителем наших союзников – французским военным агентом. Как видно, офицер любил деньги превыше всякой меры...

Двадцать шестого января 1904 года, в то самое время (учитывая разницу часовых поясов), когда японцы внезапно напали на русскую эскадру в Порт-Артуре, японская военная миссия переехала из Петербурга в Стокгольм, откуда Акаси не только продолжил привычную разведывательную работу против России, но и расширил ее рамки, занявшись поддержкой разномастных террористов.

А ровно месяц спустя, 26 февраля, ротмистр Лавров под благовидным предлогом пригласил большого друга Японии (а также Германии и Франции) Ивкова в Санкт-Петербургское охранное отделение, где ему было предъявлено обвинение в государственной измене. Ивков «после некоторого колебания признал себя виновным, показав, что он передавал Акаси и Тано различные секретные сведения военного характера частью из мобилизационного плана, частью составленные по случайным данным», как записано в протоколе допроса. Признался он и в шпионаже на другие иностранные державы.

Но все-таки в каждом русском офицере – даже в таком, как Ивков, жили хоть какие-то понятия чести... Предатель не стал ждать суда, на котором он был бы подвергнут позору лишения чинов, орденов и дворянского достоинства, и покончил с собой в тюремной камере...

В то же самое время был взят под наблюдение военной контрразведки британский военно-морской атташе Кальторн – выяснилось, что представитель дружественной державы добывал через своих агентов секретную информацию по русскому флоту; в разработку попала графиня Комаровская, принадлежавшая к известной аристократической фамилии...

Хотя по своему численному составу Разведочное отделение Главного штаба было весьма немногочисленно, не имело филиалов и не считалось центральным органом военной контрразведки, его заметные успехи вскоре вызвали профессиональную ревность Департамента полиции. Вроде бы совсем еще недавно контршпионаж был жандармам без надобности, но тут вдруг проснулось желание – и с тех, очевидно, пор соперничество между контрразведкой и органами внутренних дел можно считать традиционным. Причем, как известно, не только для нашей страны.

В конце весны 1904 года в структуре полицейского департамента было организовано так называемое Совершенно секретное отделение дипломатической агентуры. Оно было настолько секретным, что о его организации в Главном штабе узнали с большим опозданием, и поначалу это приводило к недоразумениям. Когда же все выяснилось, началась неравная конкуренция

¹⁹ «Наружная агентура», служба наружного наблюдения.

– на стороне Департамента полиции были «административный ресурс», выразившийся в поддержке министра внутренних дел и шефа жандармов В. К. Плеве, а также мощь всего аппарата общей и тайной полиции. Нет смысла объяснять, что Разведочное отделение не могло располагать необходимыми по количеству и качеству специфическими силами и средствами для ведения контрразведывательной работы – наблюдения, перлюстрации корреспонденции и прочего. Исходя из этого, руководству Разведочного отделения было предложено присоединиться к Департаменту полиции... После же отказа от такого предложения зона деятельности военной контрразведки оказалась весьма ограничена... Опять-таки пример традиционного отношения к делу, когда ведомственные интересы превалируют над государственными.

Между тем «к началу Русско-японской войны ни Разведочное отделение Главного штаба, ни Департамент полиции МВД не смогли противостоять наплыву иностранных шпионов, и в первую очередь, японских. Помимо Главного штаба, борьба с иностранным шпионажем была возложена в армии на разведывательные отделения штабов военных округов, а на флоте – на Главный морской штаб (инострannую его часть). Как показала практика, “...шпионская деятельность иностранных государств” не встречала существенных препятствий со стороны военных органов, так как “совсем не было отпуска на контрразведку (содействие в иных случаях Департамента полиции было лишь на бумаге)”»²⁰.

А на бумаге все почему-то выглядит несколько внушительнее, нежели в действительности. Те же самые «разведывательные отделения штабов военных округов», которые занимались разведкой «внешней и внутренней» – разведкой и контрразведкой, – состояли лишь из начальника отделения, одного или двух его помощников и нескольких вольнонаемных чиновников. Всё же работали – и не без успехов. В Варшавском округе, например, с 1900 по 1910 год было выловлено более 150 немецких и австрийских шпионов разного сорта.

Русско-японская война показала необходимость реформирования Русской армии. В частности, уже 21 июня 1905 года была учреждена должность начальника Генерального штаба, который непосредственно подчинялся царю с правом личного ему доклада, а 25 июня было объявлено о формировании Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) – центрального аппарата Генштаба, за счет выделения из Главного штаба ряда управлений. Разведочное отделение входило в управление генерал-квартирмейстера, который считался ближайшим помощником начальника Генштаба. Впрочем, российские реформы – процесс безостановочный и непредсказуемый. В 1908 году начальник Генштаба был переподчинен военному министру и докладывать императору мог уже только в присутствии своего начальника; со следующего года военный министр вообще остался единственным докладчиком государю по всем делам ведомства. Если учесть, что министр – лицо более политическое, нежели военное, то особой пользы это не принесло...

«Конфронтация Департамента полиции и... Разведочного отделения Главного штаба продолжалась до 1905 года и к январю окончательно парализовала деятельность последнего. В одном из рапортов от 14 января того же года начальник Разведочного отделения докладывал: “При таких условиях Отделение не может выполнять возложенных на него задач, а потому прошу указания относительно направления дальнейшей деятельности Отделения”. Нам не известна реакция Главного штаба. Годовой отчет за этот год начинается с горького признания: “В истекающем 1905 году Разведочное отделение осталось все в том же стесненном положении, которое создал ему Департамент полиции в предшествующем году”. Сотрудники Департамента полиции продолжали по-прежнему разработку тех объектов, которые считали важными, постоянно вторгаясь в сферу деятельности ГУГШ»²¹.

²⁰ Алексеев М. Указ. соч. Т. 1. С. 107.

²¹ Алексеев М. Указ. соч. Т. 1. С. 48–49.

Однако русское реформирование не только непредсказуемо, но и всеобъемлюще: в июне 1906 года было упразднено Секретное отделение Департамента полиции. Соответственно, деятельность военной контрразведки опять активизировалась. Ее сотрудники под руководством В. Н. Лаврова, теперь уже полковника, добились существенных результатов в борьбе с военным шпионажем в столице. Венцом работы Лаврова на посту начальника Разведочного отделения стало разоблачение шпионской деятельности агента австро-венгерской разведки барона Унгерн-Штернберга – он передал противнику проект закона о контингенте новобранцев, обсуждавшийся на закрытом заседании Государственной думы, после чего его куратор, военный атташе, майор граф Спанноки был выдворен из страны. Впрочем, австрийцы утверждали, что отношения барона и графа были чисто дружеские и ни о каком шпионаже речи просто и быть не могло – хотя в разведке всегда так говорили и говорить будут...

Кстати, тема иностранного шпионажа волновала тогда и общественное мнение, свидетельством чему стал знаменитый рассказ А. И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников», написанный в январе, а уже в феврале того же 1906 года опубликованный в журнале «Мир Божий». Сам автор считал его лучшим из своих рассказов, «уже первые рецензенты высоко оценили этот “превосходный и тонко разработанный психологический рассказ”, давший “живой портрет человека из нового, малоизвестного... мира”»²². Стоит обратить внимание на эти очень точные, даже можно сказать провидческие слова рецензента газеты «Одесские новости»²³: «человек из нового, малоизвестного мира». В наступившем XX веке спецслужбы стали играть роль, дотоле немыслимую по своим масштабам и значимости.

Ну а пока иностранные разведки еще только стремились активизировать свою работу на русской территории, что в конце концов заставило руководство нашей страны задуматься о создании целой системы контрразведывательных органов и соответствующей законодательной базы – как для обеспечения работы контрразведки, так и относительно ответственности за шпионаж.

В это время на «контрразведывательное поле» вновь выходит Министерство внутренних дел, что на сей раз было вполне оправданно – одними своими силами Разведочное отделение ГУГШ и соответствующие службы в округах не могли справиться с возрастающими задачами. К тому же сотрудникам и руководителям молодой военной контрразведки явно не хватало знаний и опыта разыскной работы, да и вышестоящее военное руководство в этом мало чем могло им помочь...

Директор Департамента полиции МВД действительный статский советник М. И. Трусевич направил в подчиненные ему разыскные органы, так называемые охранные отделения, специальный циркуляр об усилении борьбы со шпионажем, требуя также отчитаться о работе, проделанной в этом направлении за последние три года, обобщить практику оперативного розыска и характерные способы ведения военного шпионажа иностранными государствами против России. В большинстве случаев ответ руководителей охранных отделений был неутешительно однообразен: «...особой агентуры с целью борьбы с военным шпионством не имеется, и этого рода деятельность не велась». В то же время в докладах из Варшавы, Одессы, жандармско-полицейского управления Уссурийской железной дороги и некоторых других содержалась интересная информация, и руководитель тайной полиции поставил на этих документах отметку: «Подлежит обсуждению в комиссии по контрразведке».

Инициатором создания такой комиссии – точнее, проведения межведомственного совещания по борьбе со шпионажем – был П. А. Столыпин, министр внутренних дел, шеф Корпуса жандармов и одновременно председатель Совета министров. Идея совещания родилась у него после того, как в августе 1908 года начальник Генштаба генерал от инфантерии Ф. Ф. Палицын

²² Куприн А. И. Собрание сочинений. М., 1994. Т. 3. С. 508.

²³ Геккер Н. Из текущей беллетристики // Одесские новости. 1906. 9 марта.

направил в Министерство внутренних дел разработанный его офицерами проект «Инструкции по контрразведке», в котором предлагался определенный порядок деятельности и взаимодействия всех заинтересованных ведомств.

Изучив документ, Петр Аркадьевич согласился с необходимостью ликвидации «пробелов» в сфере безопасности, но решительно отверг предложение военного командования о возложении «исполнительных функций всецело на жандармские и полицейские учреждения» при руководящей роли штабов военных округов. Столыпин отвечал, что, по его мнению, «контрразведка, в сущности, является лишь одной из отраслей политического розыска», а так как в штабах военных округов нет квалифицированных кадров, знакомых с «технической стороной розыска», то, с его точки зрения, взаимодействие со штабами могли бы осуществлять районные (региональные) охранные отделения. При этом расходы розыскных учреждений МВД для найма специальных агентов должно нести военное ведомство.

В декабре 1908 года была созвана Комиссия по контрразведке, работу которой возглавил М. И. Трусевич. Всесторонне проанализировав ситуацию, члены комиссии пришли к выводу о необходимости создания особых контрразведывательных органов (разрозненные действия подразделений тайной полиции, Генштаба и Морского Генерального штаба, а также разведотделений штабов приграничных округов были неадекватны масштабам военного шпионажа противостоящих России государств).

Комиссия констатировала: «Полное отсутствие денежного отпуска... недостаток знаний и опыта у случайно стоящих и постоянно меняющихся руководителей контрразведкой, неимение каких бы то ни было инструкций и правил, наконец, отсутствие пригодных агентов всех степеней, – все это не соответствовало успеху контрразведки».

В итоговом протоколе комиссии подчеркивалось: «Наиболее рациональной мерой контрразведки является организация правильной и широко поставленной секретной агентурной службы», имеющей сильные оперативные позиции в зарубежных центрах шпионажа, а также среди иностранных разведчиков, действующих в России. На основе выводов комиссии впоследствии была разработана инструкция по ведению негласного расследования дел по шпионажу.

В частности, был сделан вывод, что особое внимание следовало уделить иностранным военным атташе, за которыми «необходимо периодическое наружное наблюдение (агентов же германских, австрийских, английских, японских, шведских, турецких, североамериканских, итальянских и германского офицера, состоящего при Особе Его Величества, необходимо обеспечить и внутренним наблюдением)».

При получении оперативных данных под наблюдение надлежало брать также дипломатический и консульский персонал, иностранных граждан и их связи среди русских подданных. Очень важным было указание – кстати, не утрачивающее своей актуальности и по сей день – обратить «особенное внимание» на всех «военных секретоносителей», живущих не по средствам.

Комиссия пришла к выводу о необходимости учреждения в структуре тайной полиции специальных «контрразведочных» органов, входящих в соответствующие районные охранные отделения. Она признала возможным направлять на должности помощников начальников военно-розыскных отделений, которые формировались в семи стратегических центрах России – Петербурге, Варшаве, Киеве, Вильно, Одессе, Иркутске и Владивостоке, – строевых оберофицеров по распоряжению начальников окружных штабов и с согласия директора Департамента полиции.

К сожалению, эти предложения так и остались на бумаге, потому что в момент подписания итогового протокола М. И. Трусевич был уже освобожден от должности директора Департамента полиции. Его преемник Н. П. Зуев большой склонности к оперативной работе не проявлял, генерал-лейтенант П. Г. Курлов – товарищ (заместитель) министра и командир

Отдельного корпуса жандармов – не относил вопрос контрразведки к числу первоочередных, а «звезда» Столыпина, отношения которого с государем все больше осложнялись, закатывалась...

Все могло бы вообще сойти на нет, как нередко сходят у нас многие наиважнейшие вопросы, однако развитие событий свидетельствовало, что оставаться без четко налаженной системы военной контрразведки России уже было просто нельзя. Непосредственным поводом для очередного обращения к теме явилось сообщение начальника Люблинского губернского жандармского управления о том, что, по агентурным данным, австро-венгерская разведка усиленно занимается организацией складов оружия и подготовкой кадров для подрывной деятельности на российской территории в военное время. Это, а также ряд других аналогичных сообщений буквально вынудили жандармское руководство обратиться к военному министру с предложением о создании второй межведомственной Комиссии по контрразведке. Что ж, пока гром не грянет – мужик не перекрестится...

Заседания комиссии, председателем которой был теперь Павел Григорьевич Курлов, проходили 29–30 июля 1910 года и уже окончательно заложили основы системы органов борьбы со шпионажем. Категорически отвергнув идею образования контрразведывательных отделений в структуре Департамента полиции, Курлов предложил передать контрразведку исключительно в ведение Военного министерства, куда откомандировывать для ее проведения опытных в розыском деле жандармских офицеров. Свое предложение он обосновывал так: «Исходя из положения, что Департамент полиции не обладает специальными знаниями военной организации русской и иностранной армий и вследствие этого не может руководить контрразведывательной службой... наиболее правильным было учреждение контрразведывательных отделений, [каковые] отделения состоят в непосредственном ведении военного начальства, а органы Департамента полиции оказывают лишь содействие и помощь».

Курлов также предложил, чтобы офицеры-жандармы «могли бы быть в отделении лишь вспомогательной силой и вести контрразведку по указаниям стоящего во главе отделения офицера Генерального штаба».

Соответствующие предложения ушли в военное ведомство, но только 8 июня 1911 года военный министр генерал от кавалерии В. А. Сухомлинов утвердил разработанное Генштабом Положение о контрразведывательных отделениях. В соответствии с этим документом к Разведочному отделению Генерального штаба в Петербурге, которое еще в августе 1910 года возглавил подполковник Отдельного корпуса жандармов В. А. Ерандаков, добавилось 11 отделений при штабах военных округов; в отделе генерал-квартирмейстера Генштаба при Особом делопроизводстве начал действовать «центральный регистрационный орган», где сосредоточивались материалы по вопросам борьбы с военным шпионажем.

Инструкция начальникам контрразведывательных отделений военных округов, разработанная Генеральным штабом в июне 1911 года, определяла, что «военным шпионством является сбор всякого рода сведений о вооруженных силах, об укрепленных силах государства, а также имеющих военное значение географических, топографических и статистических данных о стране и путях сообщений, производимый с целью передачи их иностранным державам». В документе указывались основные задачи, стоящие перед военной контрразведкой, и конечная цель ее деятельности: «привлечение к судебной ответственности уличенных в военном шпионаже лиц... или прекращение вредной деятельности названных лиц хотя бы административными мерами».

В условиях мирного времени агентура, с которой работали контрразведывательные органы, подразделялась на следующие категории:

а) «консульская агентура», внедренная или завербованная из числа обслуживающего персонала или родственников служащих иностранных представительств, расположенных на территории России;

б) «штабная агентура», занимавшаяся личным составом военных и военно-морских учреждений Вооруженных сил России как в центре, так и на местах;

в) «внутренняя агентура», обслуживавшая общественные места, расположенные вблизи учреждений, посещаемых «военными чинами» (торговые лавки, чайные, рестораны и т. п.), а также точки, подходящие для проведения «свиданий» агентов иностранных разведок «с лицами, дающими им сведения».

Вопрос «штабной агентуры», представлявшей для военной контрразведки наибольший интерес, потому как агентура противника в первую очередь интересуется штабами, оставляя передовые окопы для войсковой разведки, оказался наименее реализованным. Кадровые офицеры изначально были негативно настроены к любому виду оперативного поиска в своей среде.

И все-таки «созданные во второй половине 1911 года контрразведывательные отделения при военных округах сравнительно быстро сумели обеспечить себя необходимым количеством агентуры и направить ее на выявление немецких, австрийских, японских и иных шпионов. Так, виленское контрразведывательное отделение на 1 января 1913 года в своем распоряжении имело уже 48 агентов, работавших по выявлению и разработке австрийских и немецких шпионов. Из них 39 человек работали на русской пограничной территории. Остальные 9 агентов виленского контрразведывательного отделения работали за границей. Из числа этих агентов трое работали в Эйдкунене, двое – в Кёнигсберге, один – в Столупянах, один – в Инстербурге, один – в Просткене (Восточная Пруссия) и один – в Вене»²⁴. Буквально на первых же порах, при содействии агентов в Эйдкунене и Кёнигсберге, контрразведчикам удалось раскрыть и обезвредить резидента немецкой разведки.

Успешно сработала и «консульская агентура», которую удалось внедрить в иностранные дипломатические представительства. В частности, агенты, находившиеся в посольстве Великобритании в Санкт-Петербурге, получили доступ к секретной переписке посла и военного агента и таким путем смогли не только выяснить позицию англичан по ряду политических вопросов, но и раскрыть некоторые источники их тайной информации в России. Как оказалось, союзники тайно собирали агентурные сведения о русской армии – впрочем, не будем морализировать, потому как ведь и посольство дружеской Великобритании находилось под плотным наблюдением русской военной контрразведки... Что ж делать, как говорится – доверяй, но проверяй, и не случайно в советских спецслужбах бытовало такое ироничное выражение, как «здоровое недоверие».

В то же время в соответствующих органах проводилась работа по пересмотру действующего в России законодательства о государственной измене путем шпионства. Оно, как и современное законодательство, имело немало «лазеек», с помощью которых агентам противника удавалось уйти от уголовной ответственности. В частности, в книге Н. С. Батюшина говорится, что хотя с 1900 по 1910 год разведывательным отделением Варшавского военного округа была раскрыта деятельность 150 иностранных шпионов, но до суда удалось довести только 17 дел по тридцати трем обвиняемым.

В конце концов 5 июля 1912 года Николай II утвердил Закон «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства». «В понятие шпионажа по новому закону стало входить соби́рание или способствование соби́ранию иностранными государствами сведений или предметов, касающихся внешней безопасности России или ее вооруженных сил или сооружений, предназначенных для защиты страны. Шпионаж против России по этому закону стал являться тягчайшим видом государственной измены, и наказание за шпионские деяния увеличилось с 8 до 15 лет каторжных работ»²⁵.

²⁴ Алексеев М. Указ. соч. Т. 2. С. 51.

²⁵ Алексеев М. Указ. соч. Т. 2. С. 53.

Не стоит думать, что с этих пор все наладилось и контрразведывательная работа по ограждению российских военных секретов от устремлений иностранных разведок пошла как по маслу... Довольно скоро, в январе 1913 года, сменив генерала Курлова, товарищем министра внутренних дел, а также заведующим полицией и командиром Отдельного корпуса жандармов был назначен генерал-майор Свиты его императорского величества В. Ф. Джунковский. Он был человеком военно-придворного направления, весьма характерного для начала минувшего XX века: выпускник Пажеского корпуса, он в 1884 году начал офицерскую службу в лейб-гвардии Преображенском полку – первом полку гвардии; был адъютантом московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, в 1897 году побывал на театре боевых действий греко-турецкой войны в роли уполномоченного Красного Креста. Воистину «звездным» стал для Джунковского кровавый 1905 год: в апреле Владимир Федорович получил чин полковника и был пожалован во флигель-адъютанты к его императорскому величеству, в июле назначен московским вице-губернатором, а в ноябре, в полковничьем чине, стал губернатором древней столицы и весьма успешно управлял ею и Московской губернией до самого начала 1913 года. Большой его заслугой считается то, что во время восстания 1905 года «Москва не осталась без воды и беспорядки не распространились на губернию».

Как истинный дилетант, попавший в спецслужбу, Джунковский сразу решил приступить к ее коренному реформированию – дилетанты на руководящих постах всегда стремятся реформировать по своему разумению то, что случайно оказывается у них в руках. Его искреннее возмущение, в частности, вызвало наличие в армейских рядах жандармской агентуры. Поясним, ссылаясь на воспоминания самого Владимира Федоровича: «По всей России, с согласия военного министра Сухомлинова и большинства командующих войсками округов, существовала войсковая агентура под руководством офицеров Корпуса жандармов, а иногда даже и унтер-офицеров. Секретные сотрудники выбирались из нижних чинов офицерами Корпуса жандармов случайно или по рекомендации ротных командиров. На их обязанности было являться к офицеру, заагентуривавшему его, и докладывать обо всем, что делается в его части, о чем говорят между собой нижние чины, каково настроение и т. д.»²⁶.

Понятно, что не всё в этой работе обстояло гладко – добиваясь результатов, стремясь отличиться, иные жандармские чины прибегали к провокациям, раздували ничего не стоившие «дела», но это были вполне понятные издержки большой работы, да и соответствующие начальники всегда имели возможность распорядиться полученной информацией по своему разумению, дать делу ход или его притушить.

Обратимся к событиям недавней тогда Первой русской революции, когда «деструктивные силы» – большевики и их единомышленники – наносили очень грамотные «точечные удары». Стремясь подорвать престиж Николая II в армии, они выбрали для этого именно те самые части, где будущий император в свое время проходил действительную военную службу, а потому его авторитет был чрезвычайно высок и преданность личного состава престолу сомнений не вызывала.

Так вот, когда в конце мая 1906 года в Кронштадте восстали военные моряки и рабочие корабельных заводов, в лейб-гвардии Преображенском полку стали усиленно распространяться слухи, что их, по примеру лейб-гвардии Семеновского полка во время Московского восстания 1905 года, бросят на подавление возмущения... 9 июня 1-й батальон полка – тот самый, которым Николай II командовал в бытность свою наследником престола, собрался на митинг, чтобы подготовить петицию и подать ее царю. Кто именно «мутил воду», неизвестно, но ясно, что без посторонней помощи не обошлось: в подготовленной бумаге насущные солдатские нужды (освободить преображенцев от несения полицейской службы, уволить в запас отслуживших свой срок, ввести бесплатный проезд по железной дороге для отпускников) смешались с

²⁶ Колоколов Б. Г. Дилетант в голубом мундире, или Третий путь генерала Джунковского // Красная звезда. 2007. 25 апреля.

политическими требованиями («ненаказуемость за политические убеждения» и «выписывать для читальни передовые газеты и журналы») и даже с откровенным популизмом в стиле пресловутого «приказа № 1», добившего армию в 1917 году («отменить принудительное отдание чести нижними чинами», «разрешить свободное увольнение со двора»).

Командир дивизии генерал-майор С. С. Озеров успокоил солдат, обещав передать петицию императору, и сказал, что никто из них наказан не будет. Казалось, инцидент исчерпан, но кто-то из нижних чинов передал подготовленную бумагу в большевистскую газету, которая опубликовала «жареный материал».

После того «верхи» стали трактовать происшедшее как бунт... Ну а раз так, то был суд, нескольких зачинщиков приговорили к каторжным работам, более 150 человек на два-три года отправили в дисциплинарный батальон, а сам «Государев» батальон раскассировали, удалив из гвардии всех его солдат и офицеров. Тем самым было нанесено смертельное оскорбление не только Преображенскому полку, но и всему гвардейскому корпусу.

А ведь можно было поступить и совершенно по-иному! Так, когда осенью 1907 года во время маневренных занятий начались беспорядки в лейб-гвардии Гусарском полку – опять-таки в том эскадроне, которым некогда командовал будущий Николай II, кавалерийские начальники решили «не давать хода этому делу и не накладывать на виновных никаких взысканий, ограничившись объяснением их проступка в доступных пониманию солдат выражениях...»²⁷.

В общем, получив информацию, воинские начальники приняли ее к сведению и поумному ею распорядились, зная, сколь предан престолу лейб-гвардии Гусарский его императорского величества полк. На том все и закончилось – без громких скандалов, судебных разбирательств и в конечном итоге без «потери» государем одного из лучших гвардейских полков и очередного недовольства всего гвардейского корпуса.

Генерал Джунковский, к сожалению, не понимал, что «иметь информацию» и «распоряжаться» ею – понятия совершенно разные. Вместо того чтобы заняться наведением порядка в своем ведомстве и в итоге получать достоверную информацию из войск, он вздумал разрешить вопрос «радикально».

«Когда я столкнулся со всем этим ужасом, – вспоминал он, – то решил немедленно упразднить всякую агентуру в войсках. Но это было не так легко сделать, так как благодаря моим предшественникам, особенно генералу Курлову, военное высшее начальство проникнуто было уверенностью в необходимости пользования такой агентуры. Я никак с этим примириться не мог и решил действовать самым энергичным образом... Я сделал распоряжение по Департаменту полиции об упразднении агентуры в войсках и составлении проекта инструкций по наблюдению за настроением в войсках на совершенно новых началах»²⁸.

Это решение было поддержано почти всеми командующими войсками округов, которые не стремились выносить сор из избы, наивно полагая, что сами будут в состоянии контролировать настроения солдатской массы...

В результате в «Наставлении по контрразведке в военное время», утвержденном главнокомандующим Русской императорской армией генералом от кавалерии великим князем Николаем Николаевичем 6 июня 1915 года, было указано: «Воспрещается устанавливать наблюдение одних нижних чинов за другими, а равно устанавливать наблюдение вообще за офицерскими чинами без особых на то личных указаний генерал-квартирмейстера».

И ведь не подумаешь, что в это время уже целый год как шла война! Нет сомнения, что подобный запрет был на руку не только представителям антиправительственных сил, немало делавших для разложения воюющей армии, но и спецслужбам противника. В данном конкретном случае интересы оппозиционных партий и «германцев» совпадали, хотя имели различ-

²⁷ Бондаренко А. Ю. Лейб-гусары. М., 2003. С. 295.

²⁸ Колоколов Б. Г. Указ. соч.

ную конечную цель. Не случайно ведь получалось, что после «братаний» и совместных митингов на позициях русские солдаты бросали свои окопы, а немецкие и австрийские продолжали исправно воевать.

Но это уже произойдет несколько позже, а пока наши потенциальные противники продолжали наращивать свои разведывательные усилия. Например, в 1913 году «из 30 австрийских офицеров, легально посетивших Россию, шесть являлись установленными разведчиками. Но помимо них австрийский Генштаб засылал своих шпионов в Россию под видом мирных обывателей, коммерсантов, журналистов, представителей торговых и промышленных фирм. Австрийские разведчики, выезжавшие в Россию для сбора разведывательных сведений, выдавали себя за путешественников, туристов, отпускников. Особо популярным прикрытием было изучение ими русского языка»²⁹.

К примеру, в октябре того года военные контрразведчики организовали наблюдение за прибывшими в Москву капитанами австрийского Генштаба Рудольфом Кюнцелем и Вильгельмом Понтером – по учетным данным контрразведки было установлено, что последний, еще в чине лейтенанта, побывал в России в 1911 году, проездом в Турцию. Австрийские генштабисты отправились в поездку по России в начале ноября предвоенного 1913 года. Они посетили Санкт-Петербург, крупный промышленный и торговый центр Нижний Новгород, Вильнюс и Варшаву – места дислокации штабов приграничных военных округов, откуда отправились в разведывательную поездку по Поволжью, Средней Азии и Закавказью... Как потом отмечал начальник КРО (Контрразведывательного отделения) Московского военного округа подполковник Отдельного корпуса жандармов Туркестанов³⁰, борьба с такого рода разведкой является почти бесполезной, потому что офицеры эти не всегда ведут записи, а производят разведку маршрутов и дислокации войск на память, получая также изустные сведения от своих соотечественников, живущих в каждом уголке России...

Ну как тут не вспомнить очаровательного поручика Дранжевского с его письменной инструкцией и патентом на чин, подписанным Наполеоном! За прошедшее столетие техника шпионажа здорово шагнула вперед, при этом основное движение произошло на рубеже XIX–XX веков.

В частности, можно сказать, что теперь в своей контрразведывательной деятельности русский Генштаб стремился применять тактику проникновения в разведывательные органы противника – так, к сотрудничеству был привлечен полковник Альфред Редль, один из руководителей разведки австро-венгерского Генштаба... Немалую роль в этой работе сыграли и русские военные агенты, находившиеся за границей.

Информация, полученная разведкой, определила решения политиков.

«Германия же практически была в курсе всех политических и военных дел России, используя для этого возможности аппарата военного атташе, а также всякого рода коммерческие и промышленные фирмы, в которых под видом инженеров и специалистов “трудилась” немецкие разведчики. Именно знание германским Генштабом программы перевооружения русской армии в 1914–1917 годах, ее сильных и слабых сторон послужило одной из причин вступления в войну Германии на стороне Австро-Венгрии именно в 1914 году (“теперь или никогда”). Берлин пришел к выводу о том, что после перевооружения России к 1917 году Германия будет не в состоянии выиграть войну против нее»³¹.

²⁹ Авдеев В. А., Картов В. Н. Секретная миссия в Париже. Граф Игнатъев против немецкой разведки в 1915–1917 гг. М., 2009. С. 59.

³⁰ Вариант написания фамилии – *Туркистанов*.

³¹ Авдеев В. А., Картов В. Н. Указ. соч. С. 21.

* * *

Первая мировая война высветила многие ранее не столь очевидные изъяны в системе организации контршпионажа – в том числе в вопросах подготовки и комплектования органов военной контрразведки, невысокую квалификацию их руководящих кадров.

Наконец, после горького опыта поражений весны – лета 1915 года, по инициативе великого князя Николая Николаевича была образована очередная комиссия – ее возглавил действительный статский советник Р. Г. Моллов – для выработки нового положения о контрразведке. Изучение ею все того же вопроса показало явную несогласованность действий начальников разведывательного и контрразведывательного отделений военных штабов. Казалось, они должны были работать в тесном контакте и взаимодействии, но на практике эти подразделения были совершенно самостоятельны и одно не знало, чем занимается другое. Когда же вопросы розыска и разведки пересекались, то между начальниками начиналась бюрократическая переписка и розыск двигался воистину черепашным шагом.

Стало ясно, что серьезной ошибкой являлся и сам секретный характер существования контрразведывательных отделений, в результате чего они не могли «рассчитывать на весьма необходимые в их делах поддержку и содействие правительственных учреждений, а тем более общества».

В числе других причин, мешавших контрразведывательной работе, были и малочисленность аппаратов КРО, и отсутствие реальной исполнительной власти у их начальников – жандармских офицеров, которые в случае необходимости наблюдения за армейскими офицерами должны были получать санкцию на оперативные действия у состоящих при соответствующих генерал-квартирмейстерах чинов Генерального штаба или у самих генерал-квартирмейстеров. Возникали у контрразведчиков и проблемы взаимодействия с руководством губернских жандармских управлений, которые должны были проводить следственные действия по представлению КРО.

Дельных предложений было много, но даже в условиях войны и смертельной опасности, нависшей над страной, побороть всемогущую российскую бюрократию оказалось невозможно. Решение проблем затянулось до февраля 1917 года, после чего, понятно, необходимость в этом отпала сама собой...

И все же борьба русских военных контрразведчиков с разведками противника была довольно результативной.

К середине 1915 года контрразведка располагала именными списками двадцати трех разведывательных органов армий противника, где готовилась агентура для массовой заброски в русский тыл. Весомый вклад в борьбу с иностранным шпионажем вносили и русские военные агенты за границей. Например, полковник Семенов, военный агент в Румынии, собрал подробные сведения о шестнадцати филиалах немецкой разведывательной службы и представил списки более чем на 150 лиц, подозреваемых в агентурных связях с немцами. Контрразведчикам удалось также провести масштабную операцию по пресечению деятельности германского разведывательно-диверсионного центра в Китае... Только на Юго-Западном фронте до марта 1916 года было разоблачено 87 австрийских и немецких шпионов, а заграничной агентуре КРО штаба 7-й армии удалось выявить 37 агентов немецкой шпионской организации, руководимой неким Вернером.

Тайная война на фоне событий Первой мировой войны заслуживает отдельной большой книги...

В числе истинных подвижников, стоявших у истоков российской военной контрразведки, можно назвать уже известного читателю генерал-майора Н. С. Батюшина, длительное время возглавлявшего разведку и контрразведку Варшавского военного округа, а также военного

юриста полковника А. С. Резанова, во многом благодаря которому в 1912 году Сенатом была принята новая редакция статьи уголовного законодательства о шпионаже, – он также немало заботился о подборе и подготовке кадров контрразведчиков непосредственно в период войны.

Уже находясь в эмиграции, Николай Степанович Батюшин, размышляя о причинах неудач русского оружия в Первой мировой войне, писал: «Если нашу тайную разведку мирного времени на основании утверждений наших противников можно считать хорошо поставленной, то далеко того нельзя сказать про тайную разведку военного времени. Главное тому объяснение – недооценка на верхах этого могучего средства в руках командования»³². В данном случае генерал имел в виду не только внешнюю разведку, но и внутреннюю – контрразведку.

Действительно, единый орган руководства контрразведкой так и не был создан не только в Русской императорской армии вообще, но даже и в действующей армии. Существовавшее в Главном управлении Генштаба подразделение продолжало оставаться регистрационным и отчетным учреждением, а не руководящей инстанцией. Полное игнорирование военным руководством опытных специалистов разведки и контрразведки, которые рассматривались как рядовые офицеры Генштаба, неиспользование их специальных знаний и опыта привели к тому, пишет Батюшин, что «мы заплатили сотнями тысяч жизней, миллионами денег и даже существованием самого государства».

А вот еще одно свидетельство, из воспоминаний выдающегося русского военного контрразведчика, действительного статского советника Владимира Григорьевича Орлова:

«Неспециалисту практически невозможно осознать, насколько велико было германское влияние в России во время войны. Многие политики и другие общественные деятели осознанно или неосознанно работали на германскую разведку.

Германским шпионским центром во время войны была гостиница “Астория” в Петрограде. Здесь работали германские шпионы Зигфрид Рай, Кацнельбоген и барон Лерхенфельд. Вся информация направлялась в Стокгольм, а затем в Берлин. Все административные должности занимали германские солдаты и офицеры. Их концерн принимал заказы на строительство крепостей по ценам более низким, чем у конкурентов, и нес фантастические убытки. Таким образом, они узнавали самые сокровенные военные секреты, которые немедленно передавали через Стокгольм в Берлин.

Российские компании по производству электрооборудования – “Сименс и Хальске”, “Сименс – Шуккерт” и АЕГ, являвшиеся филиалами германского “Электротреста”, получали заказы, связанные со строительством российских кораблей. Эти фирмы не только служили источником информации для германского верховного командования, но и выполняли, по документальным данным российского Генерального штаба, определенные задания, вследствие чего завершение строительства военных кораблей во время войны задерживалось...

...наиболее прочно немцы обосновались в банках. Оттуда они руководили деятельностью всей сети вражеских шпионов в России. Крупнейшая банковская группа – Внешнеторговый банк, Сибирский банк, Петроградский международный банк и Дисконтный банк полностью контролировалась немцами, равно как и другие коммерческие и торговые банки, являвшиеся филиалами германских банков»³³.

Хотя приведенная цитата является лишь маленьким фрагментом (!) большого обзора, можно понять, что германская шпионская сеть была завязана на весьма влиятельных финансово-промышленных кругах и таких сферах государственного руководства, которые военным контрразведчикам оказались просто не по зубам.

Кстати, подобная ситуация ничего не напоминает?

³² Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 164.

³³ Орлов В. Г. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998. С. 55–57.

Всё же из рассказанного выше можно понять, что в императорской России была создана неплохая основа для формирования контрразведывательных органов. Были не только люди, самоотверженно и результативно занимавшиеся контршпионажем, была продумана и буквально выстрадана теоретическая база, определены принципы для создания военной контрразведки... Можно сказать без преувеличения, что наработки начала XX столетия в большинстве своем не потеряли актуальности и сейчас.

Глава вторая

Время безвременья

События, происходившие на территории бывшей Российской империи после февраля 1917 года, известны нам весьма однобоко: до недавнего времени все мероприятия Временного правительства в области государственной, международной и военной политики оценивались как реакционные, антипатриотические, а потому и не заслуживающие серьезного внимания.

Действительно, Временное правительство было беспомощно и антинационально, что в итоге и привело к победе большевиков – хотя очень возможно, что в тех условиях это был далеко не самый худший вариант развития событий... Но не будем заниматься политологическими анализами, ибо книга наша посвящена совершенно другой теме, а военная контрразведка состоит на службе существующего государства, являясь одной из его структур. Тем, очевидно, больнее контрразведчикам видеть и сознавать, как государство, которому они служат, само себя уничтожает.

Первым и воистину сокрушительным ударом по одному из государственных устоев, армии, нанесенным как бы в обход Временного правительства (тогда это был еще «Временный комитет Государственной думы»), явился приснопамятный «Приказ № 1» Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Хотя он достаточно лаконичен, полностью приводить его не будем и ограничимся лишь несколькими пунктами:

«...4. Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

5. Всякого рода оружие, как то винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем районных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям...»

Что может эффективнее способствовать развалу армии, нежели подрыв доверия солдат к своим командирам? Армия изначально держится на дисциплине и подчиненности, ответственности старших за судьбу младших. Именно приказ командира подавляет важнейший для всего живого инстинкт самосохранения, и человек вне зависимости от воинского звания – солдат, офицер, генерал – по одному слову идет на смерть. Если же солдат начнет сомневаться в правомочности командира отдать приказ – армии не будет. Будет толпа вооруженных людей, а что они сделают, куда направят свое оружие – бог весть!

В своих воспоминаниях «Государственная дума и Февральская 1917 года революция» председатель Думы М. В. Родзянко писал: «Разложение и уничтожение боеспособной армии могло быть на руку тем, для кого сильная скованная армия представляла внушительную угрозу, то есть для Германии, и вот почему я ни одной минуты не сомневаюсь в немецком происхождении приказа № 1-й»³⁴. Далее автор со слов командира одной из пехотных дивизий генерала Барковского приводит пример того, как отпечатанный текст приказа «в огромном количестве был доставлен в распоряжение его войск из германских окопов».

Как же это стало возможным? Прокол в действиях военной контрразведки? Безусловно! Конечно, можно говорить о существовавших тогда трудностях и объективных обстоятельствах, рассуждать о том, что «рыба гниет с головы». Это так, и тот же М. В. Родзянко писал, что «к борьбе с возникшей немедленно после объявления войны немецкой пропагандой Правительством не было ничего не организовано, не подготовлено. Старая привычка повелевать и думать, что в том напряженном состоянии, в котором находилась страна, можно ограничиться прика-

³⁴ Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 74.

зом и требовать бессознательного исполнения, сыграла свою гибельную роль. Этой неправильной постановкой внутренней политики Правительство посеяло само первые семена возникшей потом революции»³⁵.

Что ж, самодержавная уверенность руководства в собственной непогрешимости и всеобщей любви к нему подданных давно уже стала в нашем Отечестве традицией; кажется, словно бы испокон веков народ существует для государства, а не наоборот. И как бы плохо ни работал госаппарат, виноватым в этом оказывается не бездарное руководство, а кто угодно другой...

Но факт остается фактом: германской и иной деструктивной пропаганде военная контрразведка России в Первую мировую войну противостоять не могла. Вроде бы и не в том с официальной точки зрения была ее задача, а шпионов ловить и изменников выявлять, однако со стороны противника пораженческой пропагандой в рядах российской армии занимались именно разведывательные органы. «Германия желала ослабить русскую армию, разорвать страну на части и иметь свою партию, которая, как она считала, будет слушать подсказки с Вильгельмштрассе... – писал британский разведчик бригадный генерал Джордж Хилл, который в разные времена подолгу работал в России. – Поэтому большевикам активно помогали агитаторы, находившиеся на содержании у германской секретной службы»³⁶.

История – наука сложная и очень политизированная. В 1917 году и особенно в «постперестроечные» времена большевиков именовали «платными агентами немцев», предъявляли им разные обвинения подобного рода. Однако перечитайте последнюю фразу британского разведчика: она соответствует истине в гораздо большей степени. Политика, как известно, дело грязное, но выгодное. Достичь своих целей за чужой счет, а потом «кинуть» тайного «спонсора» – самое милое дело! В свое время наивные шведы финансировали великую княжну Елизавету Петровну, прозрачно намекавшую о возможности пересмотра итогов Северной войны; доверчивый Фридрих Великий возлагал большие надежды на будущую Екатерину Великую... И кто чего дождался? Список можно завершить большевиками – с их помощью Германии удалось вывести Россию из мировой войны, но это была пиррова победа, потому как вскоре уже правительство РСФСР выступало в поддержку Баварской Советской республики, а В. И. Ленин телеграфировал И. В. Сталину: «...гражданская война в Германии может заставить нас двинуться на запад, на помощь коммунистам»³⁷.

Большевики тогда грезили мировой революцией и охотно принимали помощь любых спонсоров, явно недооценивающих их «политические аппетиты», ибо Россия планировалась ими в качестве отправного пункта на пути, четко сформулированном строкой из «Интернационала»: «Весь мир насилия мы разрушим...»

Военные и политические цели различных сторон переплетались в тугой клубок, а потому важнейший, но своевременно не понятый урок Великой, как называли ее в ту пору, войны состоит в том, что военная контрразведка не заниматься политикой не может. Между прочим, большевики оказались в этом плане прекрасными учениками, о чем мы и расскажем далее...

Впрочем, пропаганда эта была не столь уже «мирной и безобидной». Историк Русской императорской армии А. А. Керсновский свидетельствовал, что «в ночь на 1 марта распропагандированные флотские экипажи залили кровью Кронштадт, а в ночь со 2-го на 3-е на гелсингфорсском рейде и на берегу произошла дикая резня офицеров эскадры... По списку, заготовленному “Адмирал-штабом”³⁸, были истреблены все лучшие специалисты во всех областях (в первую очередь столь досадивших немцам разведки и контрразведки), и этим наш Балтий-

³⁵ Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 19.

³⁶ Хилл Дж. Моя шпионская жизнь. М., 2000. С. 124.

³⁷ Рыбас С. Ю. Сталин. М., 2009. С. 140.

³⁸ Штаб ВМС Германии.

ский флот был выведен из строя»³⁹. Вот ведь как получилось: с одной стороны, наши спецслужбы здорово «досаждали» противнику, но с другой – не нам досталась победа...

И все-таки, даже в то время безвременья, при бездарном Временном правительстве и стремительном нарастании активности деструктивных сил (мы не даем политических оценок, но говорим об объективной реальности, придерживаясь официальных позиций, ибо с иной, «антигосударственной», точки зрения рассказывать об органах обеспечения безопасности государства просто невозможно; поэтому в следующих главах автор обречен перейти на пробольшевистские позиции), военная контрразведка продолжала свою работу. Мало того, можно утверждать, что именно тогда для этой работы создавались наиболее выгодные условия.

В частности, уже 4 марта 1917 года, на второй день существования Временного правительства, исправляющий должность начальника Генерального штаба генерал-лейтенант П. И. Аверьянов направил письмо на имя военного и морского министра А. И. Гучкова, где говорилось, что «из-за прекращения деятельности розыскных органов Министерства внутренних дел, оказывавших содействие Военному министерству в борьбе со шпионажем», необходимо реорганизовать военную контрразведку для сохранения «непрерывности ее действий».

Депутат Государственной думы и лидер партии октябристов Александр Иванович Гучков был человеком хотя и штатским, но обстрелянным: в 1899–1902 годах участвовал в Англо-бурской войне, в Русско-японскую был уполномоченным Красного Креста, а потому мнил себя великим полководцем. А. А. Керсновский назвал Гучкова «честолюбивым заговорщиком», наконец-то удовлетворившим «свою давнишнюю мечту руководить российской вооруженной силой сообразно своим личным симпатиям и антипатиям». По мнению историка, «воинской иерархии для проходимца министра не существовало»⁴⁰.

Назначение штатского человека главой военного ведомства, чего никогда не случалось в российской истории, было трагическим извращением Временного правительства, своеобразным продолжением «Приказа № 1», который, кстати, Гучков отменил в самом скором времени. Но, разумеется, пользоваться авторитетом в рядах сражающихся войск этот партикулярный «назначенец» не мог, и армии он не понимал, как армия не понимала и не принимала его.

Хотя определенная логика в таком назначении была: государственное руководство (и не только в России) давно уже боялось новоявленных бонапартов: блистательные генералы слишком хорошо выглядели и были весьма популярны на фоне достаточно тусклых в своем большинстве «политических» фигур – юристов, финансистов и прочих. От суворовых или скобелевых пытались избавиться любым путем, зато при дворе процветали безликие, но исполнительные сухомлиновы, которые не имели не только «политических амбиций», но и ни малейшей возможности таковые реализовать, ибо не обладали волей, решимостью и какой-либо поддержкой в войсках... Но правители забывали, что армия главным образом предназначена для войны и должна к ней постоянно и всесторонне готовиться. «Паркетные военачальники» успешно росли в чинах и должностях, получали награды за преданность и усердие, а в случае войны занимали соответствующие их рангу должности. И тут оказывалось, что к командованию фронтом, армией или корпусом они совершенно непригодны! Столь блистательные во дворце, эти «полководцы» были совершенно бездарны на театре военных действий. Напоминать, к каким трагедиям это приводило, смысла не имеет.

«Брожение в армии началось на почве недовольства высшим командным составом... а также, несомненно, было результатом многолетней упорной агитации в войсках. Впоследствии недовольство это перенеслось на доблестное, ни в чем не повинное младшее офицерство и своим последствием имело ужасное пролитие дорогой нам офицерской крови, свидетелями

³⁹ Керсновский А. А. История Русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 261.

⁴⁰ Керсновский А. А. История Русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 269.

чего мы все были с содроганием и отвращением при полном разложении армии, после февральского переворота»⁴¹.

В общем, найти среди многочисленного российского генералитета подлинных Суворова или Скобелева, к тому же еще и преданного «идеалам свободы и демократии», Временное правительство не смогло, а потому выдвинуло военного министра из своей «политической» среды. Но уже через два месяца Гучкова на этом посту заменил очередной желающий «поручить армией» – А. Ф. Керенский, подписавший приказ, гарантировавший всем военным служащим «права граждан»: во внеслужебное время «открыто исповедовать» свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды. Этот приказ офицерство восприняло как очередной удар по устоям армии... Вот он, реванш извечной зависти штатских к тем, кто имеет честь носить военный мундир!

Гучков изначально поступил так, как и следует поступать политическому деятелю: 9 марта военный министр обратился к войскам... через газеты. Ранее такого не бывало. «Слушайте ваших начальников, помня, что армия без дисциплины врагу не страшна, – призвал министр с печатных страниц. – Не слушайте сеющих рознь. Много немецких шпионов, скрываясь под серой солдатской шинелью, мутят и волнуют вашу среду. Верьте своим офицерам».

Прямо-таки лермонтовский мотив – слова злосчастного Грушницкого: «...и под серой солдатской шинелью может биться благородное сердце»! Неужели таким путем, подобными рассуждениями можно было повлиять на безграмотную солдатскую массу?! Влияние газет Гучков, очевидно, переоценивал – хотя фронтовики, сориентированные большевиками, и требовали «свободы печати», но отнюдь не потому, что их смущала цензура, а потому, что твердо знали: если к бумажке приложить полковую печать с двуглавым орлом, то для деревни это будет неоспоримый документ. Так пусть печать и будет «свободна» для общего пользования!

К тому же утверждения новоиспеченного главы военного ведомства шли вразрез с положениями столь лестного для солдат приказа, якобы передававшего всю власть в армии им самим – то есть органу с заманчивым названием «Совет рабочих и солдатских депутатов».

Одиннадцатого марта Гучков вновь обратился к войскам «через прессу»: «Враг угрожает столице. Петроград и его окрестности наводнены германскими шпионами... Они скрываются всюду. Нет звания, которым шпион не назывался бы, нет занятия, которым он не старался бы прикрыть свое гнусное дело. Он переодевается во всякую форму и, скрываясь в толпе, мутит и волнует робких и слабых».

Нужна контрразведка. Генеральный штаб это дело наладит. Граждане и воины, не спутайте этих верных людей с агентами сыска бывшего режима. Новой власти сыска не нужно. Она управляет в согласии с волей народа. Но она не допустит, чтобы среди вас работали агенты Вильгельма. Следите за собой. Не выдавайте плана обороны».

Подобное министерское прекрасноречие никак не представляется убедительным, однако можно сказать, что таким образом Гучков «легализовал» существование контрразведывательной службы. Ведь до Февральской революции она была настолько засекречена, что не могла рассчитывать на содействие ни общества, ни даже правительственных учреждений. Временное правительство, которое надеялось победоносно завершить войну, увидело в военной контрразведке чуть ли не главный свой резерв для выполнения этой задачи.

Между тем не снималась с повестки дня и необходимость борьбы с германским и австрийским шпионством – активность спецслужб противника после крушения царизма лишь возросла. Обратимся опять-таки к прессе тех дней. В своем интервью, опубликованном в вечернем выпуске «Биржевых новостей» 15 марта, известный нам полковник А. С. Резанов говорил: «Немцы со свойственной им системностью (в газете «систематичностью». – А. Б.)

⁴¹ Родзянко М. В. Государственная дума и Февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 43.

не замедлили использовать то ослабление надзора, которое было вызвано последними событиями, и усилили свою шпионскую деятельность в России»⁴².

В этой связи уже 12 и 13 марта Генштаб направил в штабы фронтов, во все военные округа и в Ставку приказ Гучкова, в котором предписывалось «принять самые энергичные меры к усилению работы органов контрразведки» и сохранить – впредь до особого распоряжения! – весь ранее работавший личный состав. При этом министр стремился нацелить военную контрразведку на борьбу не только с неприятельским шпионажем, но и с разрастающимся хаосом в стране и в армии.

Девятнадцатого марта вопрос о контрразведке был рассмотрен Временным правительством. Так как жандармские учреждения были ликвидированы, задачу борьбы с иностранным шпионажем было решено полностью возложить на военное ведомство. Однако разработка правовых и организационных основ контрразведывательной службы была поручена комиссии, в которую вошли представители не только Военного и Морского министерств, но также и МИД, МВД, Министерства торговли и промышленности и прокуратуры Петроградской судебной палаты.

Через месяц были разработаны два «Временных положения о контрразведывательной службе» – одно для внутренних округов, другое для армий и фронтов, «Временное положение о курсах контрразведывательной службы при ГУГШ» и штатное расписание для всех контрразведывательных органов, которые тут же и вступили в силу. «Временное положение о морской контрразведывательной службе на театре военных действий» было утверждено в конце июня. Подготовленный тогда же проект «Временного положения о правах и обязанностях чинов сухопутной и морской контрразведывательной службы по производству расследований» был утвержден Временным правительством 17 июня, накануне начала наступления на Юго-Западном фронте – последнего наступления русской армии... Полный текст этого документа был опубликован в «Вестнике Временного правительства», а его основные положения изложены на страницах ряда газет. Причем даже «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» не преминули сообщить читателям о том, что реорганизованная контрразведка не причастна к политическому сыску, а контрразведчики «на трудном, ответственном и почетном поприще выполняют свой патриотический долг».

Это, конечно, звучит прекрасно, но вспомним о той самой «германской пропаганде», о которой писал Родзянко, о недавних кровавых событиях, произошедших в войсках. Понятно, что призывы на уровне «Русс, сдавайся!» были неэффективны, а вот революционная агитация и демократические лозунги многих брали за живое... Нет сомнения, что на данном этапе интересы противника и большевиков совпадали, но это совсем не значит, что последние работали на противника. Как видно, с «деструктивной» – от кого бы она ни шла – пропагандой и ее последствиями не могло и не умело бороться не только царское, но и Временное правительство, фактически «выпустившее джинна из бутылки»... Последующие попытки подавить убеждения пулеметами привели к обратному результату.

Итак, контрразведывательная служба получила новые правовые и организационные основания для своей деятельности: теперь она существовала и действовала легально, в государственно-правовом поле, – как действовали спецслужбы других стран; права и обязанности ее сотрудников были определены верховной властью и доведены до всеобщего сведения граждан.

После принятия всех этих документов «организация контрразведывательной службы определялась в соответствии со структурой вооруженных сил – она делилась на сухопутную и морскую.

Сухопутная контрразведка состояла из двух автономных структур: тыловой и на театре военных действий. Главными оперативными подразделениями оставались, как и прежде,

⁴² Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 66.

Контрразведывательное отделение Генерального штаба (КРО ГУГШ) – в тылу, Контрразведывательное отделение штаба Верховного главнокомандующего (КРО Ставки) и контрразведывательные пункты – на фронте.

Согласно “Временным положениям”, на КРО ГУГШ возлагались обязанности общегосударственного масштаба: организация контрразведывательной службы за рубежом, противодействие шпионажу со стороны иностранных дипломатических служб, обеспечение в контрразведывательном отношении центральных государственных учреждений, разработка имеющих общегосударственную значимость дел по шпионажу. У КРО Ставки были обязанности обыкновенного оперативного органа, обслуживающего район дислокации штаба Верховного главнокомандующего – такое подразделение существовало с января 1916 года.

“Временные положения” определили круг функциональных обязанностей двух новых центральных подразделений: при ГУГШ – Центрального бюро, которое существовало с 1915 года как высшее регистрационное и отчетное контрразведывательное отделение Генштаба, и при Ставке – контрразведывательная часть штаба Верховного главнокомандующего. КРЧ Ставки должна была осуществлять единую линию по контрразведке на театре военных действий, обобщать материалы, идущие с мест, намечать общие меры борьбы со шпионажем во фронтовых условиях, разрабатывать инструкции и инспектировать работу местных подразделений. Задачи Центрального бюро ГУГШ были гораздо шире: сюда стекались все материалы по контрразведке, и обязанностью ЦБ были их систематизация и анализ, и разработка на этой основе соответствующих методических и аналитических документов для местных подразделений на фронте и в тылу»⁴³.

Таким образом, российская военная контрразведка превращалась в единую систему. Казалось бы, трудитесь, граждане контрразведчики, вылавливайте шпионов – но тут как раз подоспело то самое «особое распоряжение» касательно «ранее работавшего личного состава», о котором говорилось в приказе министра. В соответствии с ним было определено, что начальники и помощники начальников контрразведывательных отделений, а также руководители центральных подразделений назначались из числа «офицеров Генерального штаба и лиц, имеющих юридическое военное или гражданское образование». Было также определено, что «чинами для поручений и наблюдателями», то есть оперативными работниками в отделениях, «не могут быть лица, служившие по политическому розыску» (то есть в Корпусе жандармов или в полиции). Между тем именно эти бывшие офицеры-агентуристы Отдельного корпуса жандармов, откомандированные в военное ведомство, были наиболее профессионально подготовленной частью военной контрразведки Русской армии – напомним: еще все-таки сражающейся армии. Кто же стоял за таким решением, кто был в нем заинтересован? «Реформу» приказано было осуществить не позднее 5 мая.

После появления приказа в ряды контрразведки пришло большое количество юридически образованных лиц, в том числе унтер-офицеров и солдат, служивших на положении вольноопределяющихся. Не имея опыта оперативно-разыскной работы, они считали эту службу своим патриотическим долгом и в большинстве своем были твердо уверены, что контрразведка должна быть «вне политики».

⁴³ Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1. С. 23–24.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.